

**ВОПРОСЫ
АГРАРНОЙ
ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО РИМА**

ЧЕБОКСАРЫ—1977

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

ЧУВАШСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. И. Н. УЛЬЯНОВА

ВОПРОСЫ
АГРАРНОЙ ИСТОРИИ
ДРЕВНЕГО РИМА

Сборник статей

ЧЕБОКСАРЫ—1977

*Печатается по решению Редакционно-издательского совета
Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова*

В сборнике «Вопросы аграрной истории Древнего Рима», подготовленном кафедрой всеобщей истории, исследуются актуальные вопросы аграрной истории античного Рима. В ряде статей рассматриваются техника земельного межевания, типы полей и эволюция землевладения у римлян. В другой группе статей анализируется структура сельской общины, выясняется роль рабского труда в итальянском поместье в IV в. н. э.

В сборнике содержатся также статьи по проблемам историографии аграрных отношений в Древнем Риме.

Сборник рассчитан на научных работников, студентов исторических факультетов и всех интересующихся древней историей.

Следующий выпуск сборника планируется в 1979 г.

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук профессор **В. Ф. Каховский** (отв. редактор),
кандидат исторических наук доцент **И. Л. Маяк**,
кандидат исторических наук доцент **Е. Г. Беляев**,
кандидат исторических наук **В. Г. Тимофеев**,
кандидат исторических наук доцент **Ю. П. Смирнов**.

В. Ф. КАХОВСКИЙ

ФОРМЫ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ У РИМЛЯН ПО ТРАКТАТАМ АГРИМЕНСОРОВ

Большую роль в упорядочении земельных отношений у древних римлян играла агрименсура, зародившаяся еще в этрусскую эпоху¹. В конце Римской республики возникли коллегии землемеров—агрименсоров или громатиков (от названия землемерного прибора *groma*), которые образовали своеобразную магистратуру. Агрименсоры получали подготовку в специальных школах.

Землемеры занимали весьма высокое общественное положение, поскольку наделялись широкими полномочиями: проводили раздел земли, устанавливали границы наделов, снимали их планы, определяли земельные площади для исчисления податей, расследовали и в юридическом порядке разрешали земельные споры и т. д. Кроме гражданских были еще военные землемеры, занимавшиеся планировкой лагерей и строительством укреплений.

Начиная с I в. до н.э. создавалась специальная литература по землемерному делу. Однако до нас дошли лишь фрагментарные тексты сочинений Секста Юлия Фронтиня, Гигина Громатика Старшего и Гигина Младшего, Бальба, Сикула Флакка, Юлия Нипсуса, Иннокентия и Аггена Урбика. Трактаты римских агрименсоров впервые обработаны и изданы в 1848 г. К. Лахманом², затем в 1913 г. Тулиным³.

---

¹ *Corpus agrimensorum Romanorum*. Lipsiae, 1913. *Hyg. Grom.*, 166; *fc*; *Front.*, 27, 13.

² *Die Schriften der Römischen Feldmesser*. Herausgg. und erläutert von F. Blume, K. Lachmann und A. Rudolf. Bd. 1—2, Berlin, 1848—1852.

³ *Corpus agrimensorum Romanorum*. Ed. Thulin. Lipsiae, 1913.

Буржуазные историки М. Вебер⁴, Т. Момзен⁵, В. И. Синайский⁶, Допш⁷ и другие стремились найти в трактатах аграрно-судовладельцев свидетельство об извечном существовании частного землевладения в Древнем Риме. Советские ученые Н. П. Грацианский⁸, М. Е. Сергеенко⁹, В. И. Кузищин¹⁰ и другие в исследованиях по аграрной истории Рима анализируют землемерную литературу, содержащую ценные сведения о хозяйственных отношениях, системе полей и развитии крупного землевладения у римлян.

В настоящей статье рассматриваются некоторые вопросы эволюции форм землевладения у римлян, нашедшие отражение в трактатах землемеров.

В Древнем Риме измерительная система находилась в тесной связи с характером земельных отношений и оказывала на них влияние, способствуя правовому укреплению частной собственности на землю.

В древнейшую пору существования Рима его гражданское население сообща владело землей. «Среди латинских племен мы находим, — отмечает Ф. Энгельс, — землю частью во владении племени, частью во владении рода, частью же во владении домашних хозяйств, которыми тогда вряд ли являлись отдельные семьи. Ромулу приписывается первый раздел земли между отдельными лицами, приблизительно по гектару (два югера) на каждого. Однако мы еще и позднее находим земельные владения, принадлежащие родам, не говоря уже о государственной земле, вокруг которой вращается вся внутренняя история республики»¹¹. Государственный земельный фонд Рима с древних времен создавался и расширялся, как известно, путем военных захватов чужих территорий. «В завоеванной земле, — свидетельствует Аппиан, — они всякий раз выделенную часть ее тотчас или разделяли между поселенцами, или продавали, или сдавали в аренду, не возделанную же вследствие войны часть земли, количество кото-

---

⁴ Weber. Die römische Agrargeschichte in ihrer Bedeutung für das Staats- und Privatrecht. Stuttgart, 1891.

⁵ Mommsen Th. Zur römischen Bodenrecht. «Hermes», XXVII, 1892.

⁶ Синайский В. И. Очерки по истории землевладения и права в Древнем Риме. Юрьев, 1908.

⁷ Dopsh. Wirtschaftliche und soziale Grundlagen der europäischen Kulturentwicklung, t. I, Wien, 1923.

⁸ Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров. — ВДИ, 1940, № 1.

⁹ Сергеенко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.-Л., 1958.

¹⁰ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1973; Его же. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., Изд. МГУ, 1976.

¹¹ Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 121—122.

рой сильно возрастало, они не имели уже времени распределять на участки, а от имени государства предлагали возделывать ее всем желающим на условиях сдачи ежегодного урожая в таком размере: одну десятую часть посева, одну пятую насаждений»¹². Это сообщение Аппиана полностью согласуется с указаниями Юлия Фронтинана на то, что римские земли с точки зрения межевания разделялись на три категории: 1) измерены и разбиты на участки для наделения их ветеранам (*agri divisi et adsignati*); 2) измерены, но не разбиты на участки (*agri mensura per extremitatem comprehensi*); они принадлежали храмам и стипендиорным общинам; 3) поля совсем не измерены, указаны лишь естественные рубежи — холмы, овраги, речки и т. д. (*agri arcifinii qui nulla mensura continentur*)¹³, которые составляли категорию оккупируемых римскими гражданами земель.

Соответственно способу эксплуатации земли возникали различные системы землевладения и земельной собственности: наделенная, квесторская (проданная), арендованная и займочная (оккупированная). Широкие слои римского народа, в основном воины, не имея средств на покупку или аренду земли, а также ее оккупации, получали участки путем наделения государственной земли в колониях. Эти *agri divisi et adsignati*, т. е. земли, измеренные и разбитые на участки для наделения поселенцев, выделялись только на обработанных, культурных полях (*ubi cultura*), где, по словам агрименсоров, «коса и соха ходили» (*falx et arater exierit*)¹⁴.

Широко практиковавшаяся со времени первого раздела земли легендарным Ромулом техника межевания и наделения земель способом центуриации наиболее лучшим образом соответствовала характеру военной организации колоний. Солдаты и ветераны выводились в колонии, как сообщает Гигин, целыми войсковыми единицами со своими значками и орлами, командирами и трибунами. В колониях они селились по воинским подразделениям. Полегионное поселение колонистов было довольно удобным, как отмечает В. И. Кузищин, не только для создания благоприятных условий для совместной жизни, привыкших друг к другу во время службы воинов, но и быстрой мобилизации в случае необходимости¹⁵.

Система межевания, происхождение которой восходит к ранней поре Римской истории, в стройном виде сложилась во времена правления Августа, эдикты которого послужили

---

¹² Аппиан. Гражданские войны. Пер. с греч. Под ред. С. А. Жебелева и О. О. Крюгера. Л., 1935, с. 19--20.

¹³ Front., 1, 3.

¹⁴ CAR, 164.

¹⁵ Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии, с. 143.

ее официальным установлением в государственном масштабе.

При сравнении приемов межевания полей, предназначенных для колониальных поселений, с принципами планировки военных лагерей обнаруживается близкое сходство. Площадь земли, подлежащей лимитации и имевшей прямоугольную форму, как и территория военного лагеря, со всех сторон четко обозначалась и ограничивалась. Перпендикулярные линии, крест-накрест прорезывавшие всю площадь поля — *decumanus maximus* и *cardo maximus*, и их параллели аналогичны улицам лагеря *via principalis* и *via praetoria* и другим параллельным к ним улицам, которые разделяли лагерную территорию на участки¹⁶.

Следовательно, поселения ветеранов в колониях максимально приближались к привычным лагерным условиям не только по общей планировке, но и по размещению центурии в полном составе в одной полевой центурии. Такое размещение колонистов должно было способствовать сохранению их боеспособности на случай мобилизации для проведения боевых операций. Август, как известно, не раз прибегал к мобилизации ветеранов — поселенцев колоний при острой необходимости в пополнении своих легионов. Не случайно Аппиан говорит, что римлянами «колонии» рассматривались как укрепленные пункты¹⁷, воины «были стражами в земле бывших врагов»¹⁸.

При выведении колоний широко применялась центуриация — деление поля на строго определенные участки по 200, 220, 240 и даже 400 югеров¹⁹. Техника межевания подробно освещена в статье И. А. Гвоздевой, публикуемой в настоящем сборнике. Поэтому мы не станем касаться этой стороны вопроса. Центуриация служила отнюдь не хозяйственной, а межевой единицей земли, подвергавшейся при ассигнации разделу при выводе колонии и наделению «по мужам» (*vititum*)²⁰.

Любопытно отметить, что иногда воины наделялись землей еще до ее завоевания²¹, чтобы вызвать у них корыстолюбие и храбрость в сражениях. С помощью этого же надела военачальники стремились приобрести расположение к себе войск²².

---

¹⁶ Полибий. Всеобщая история. Пер. с греч. Ф. Г. Мищенко. Т. 1. М., 1890, с. 39—42.

¹⁷ Аппиан. Гражданская война, 1, 7.

¹⁸ Там же, III, 140.

¹⁹ Нуг. 170, 19.

²⁰ Грацианский Н. П. Система полей у римлян, с. 56.

²¹ *Libri coloniarum*, 220, 8.

²² Diodor, XLVIII, 6—8; XLV, 9.

При межевании полей для военных поселений применялся, помимо центуриации, способ деления на прямоугольные вертикальные в плане полосы (стриги) и горизонтальные, напоминающие скамьи (скамны), которые чередовались между собой. При стригации и скамнании линии, параллельные к главным делителям *decumanus maximus* и *cardo maximus*, так называемые *rigoges*, на некотором расстоянии прерывались. Прямоугольные полосы стриги и скамны были одинакового размера по 200 югеров, т. е. образовывали полевою центурию.

Оба способа межевания, применявшиеся в проведении *agri divisit et adsignati*, принципиально не различаются. Однако мотивы их применения исследователи трактуют по-разному. По мнению М. Вебера, способы межевания определялись правовыми положениями: центуриация применялась к землям, передаваемым в полную частную собственность и свободным от обложения (*immunes*), а *scamnatio et strigatio* — к землям, передаваемым лишь в пользование и облагаемым податью²³. Между тем, по свидетельству агрименсоров, центуриация применялась как при выводе колоний, где земля переходила в полную собственность, так и при межевании *agri vectigalis*. В то же время скамнация со стригацией практиковалась и при межевании податной земли, и при выделении колоний²⁴. Иногда при межевании колониального поля одновременно употреблялись центуриация и стригация²⁵.

Применение тех или иных способов межевания было обусловлено, по всей вероятности, не столько правовыми различиями наделаемых земель, сколько характером рельефа — топографические условия местности порою не позволяли нарезать землю центуриацией, и по отношению к ним применялось межевание прямоугольными полосами, стригами и скамнами.

Однако основным способом межевания являлась все же центуриация. Скамнация и стригация применялись главным образом при наделении землей гражданского населения, облагаемого податью. Можно предположить, что оба способа, существовавшие с древних времен, свое начало берут, по-видимому, от древнейшего приема разделения городской площади и лагерной территории.

При наделении командиры — легаты, военные трибуны, центурионы, младшие командиры и рядовые легионеры получали земли соответственно служебному положению и заслугам как вознаграждение за военную службу; высшие военачальники (легаты и трибуны) получали несколько центурий

---

²³ Weber. Die römische Agrargeschichte, с. 27.

²⁴ Front., 2, 1.

²⁵ Libri coloniarum, 255, 17.

обработанной плодородной земли²⁶, средний командный состав наделялся центурией (200 югеров), являвшейся типичным рабовладельческим хозяйством²⁷. Что касается рядовых легионеров, то они получали надел в 2 югера: квадратный участок поля (центурий) площадью в 200 (иногда и больше) югеров выделялся воинскому отряду — центурии в составе 100 человек. Следовательно, рядовых воинов во времена Августа нельзя считать вполне состоятельными — небольшие наделы не могли обеспечить сносное существование колонистов. В этом заключалась одна из причин того, что воины-колонисты, отвыкшие от земледельческих занятий за годы длительной военной службы, легко расставались со своими участками. С. Флакк сообщает о случаях полного запустения ассигнованных земель из-за небрежной обработки. Тем самым открывались широкие возможности для расширения поместий состоятельных владельцев.

Отрыв колонистов от своих наделов еще более усилился во времена Нерона, когда состав их стал весьма неоднородным: «...теперь выводились на поселения не легионы в полном составе, — сообщает Тацит, — со своими центурионами и трибунами — как в былые времена, когда каждый воин вместе со своими товарищами составляли общину, живущую в добром согласии, но воины, друг друга не знавшие из различных манипул, без руководителя, без взаимной привязанности, наскоро собранные все вместе как бы из разноплеменных людей, скорее какое-то сборище, чем колония»²⁸. В таком составе ветераны неохотно селились на землю, вскоре покидали свои участки, а оставшиеся «не привыкшие к брачным союзам и воспитанию рожденных от него детей оставляли свои дома безлюдными, без наследств»²⁹, т. е. колонисты забрасывали свои наделы.

Нарушение принципа полелегионного заселения землевладельческих колоний оказало существенное влияние на характер аграрных отношений в Римской империи. Скупка и захват пустующих участков состоятельными владельцами земель в колониях способствовали значительному росту рабовладельческих латифундий³⁰.

Приобретенные поля могли находиться чересполосно, в стороне от основного владения этого господина, который, стремясь округлить свое хозяйство, скупал или захватывал соседние поля. На первых порах эти смешанные поместья не составляли целостного хозяйства, а продолжали оставаться

²⁶ САР, 141.

²⁷ Кузищип В. И. Генезис рабовладельческих латифундий, с. 71.

²⁸ Тацит, *Анналы*, XIV; 27.

²⁹ Там же.

³⁰ САР, 125—126.

некоторое время механическим соединением. С течением времени различия в хозяйственной организации составных частей исчезали, и создавалось единое хозяйство³¹.

По свидетельству С. Флакка, римские колонисты, очевидно, из командного состава, при лимитации иногда, при нехватке земли, получали участки (ассерта) в нескольких центуриях³². Вследствие этого, по мнению Допша, в системе полей образовалась чересполосица³³, поскольку рубежи центурий и полос (limes) являлись предельными границами владений (fines). В противоположность этому мнению Т. Моммзен³⁴ и М. Вебер³⁵ решительно утверждают, что межевание полей способом центуриации непременно приводило к окружению полей и образованию сплошных владений. Межевание в сущности представляло собой процесс округления полей и создания сплошных владений³⁶. Н. П. Грацианский придерживается этой же точки зрения, то есть считает, что «на римском *ager divisus* поселенцам *всегда* (подчеркнуто нами — В. К.) и неизменно отводились сплошные владения, в одном месте»³⁷.

Римляне стремились иметь компактно расположенные владения. Когда некоторые ветераны после наделения их землей увеличивали свои владения путем закупки, другие, наоборот, их продавали, операция купли и продажи проводилась непременно не дробными частями, а целостными владениями, с четко ограниченными границами³⁸.

Однако нельзя исключить из практики землевладения римлян и наличие чересполосного расположения владений³⁹ в основном на неразмежеванных оккупированных полях (*agri occupatorii*), где части владения могли быть разбросаны⁴⁰, поскольку каждый стремился захватить землю в разных местах, ориентируясь на плодородие полей. В эпоху республики разбросанность земельных владений представляла собой всеобщее явление. «Владения были по своим размерам мелкими и средними рабовладельческими хозяйствами, — отмечает В. И. Кузищин, — не связанными друг с другом»⁴¹. Имена приобретались по мере накопления денег, что вело к разбросанности имений, а *agri occupatorii* могли находиться в раз-

³¹ Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий, с. 122.

³² Sic. Fl., 156, 13.

³³ Dop sch, op. cit., 341, 342.

³⁴ Mommsen Th. Zur römische Bodenrecht, с. 79.

³⁵ Weber M. Die römische Agrargeschichte, с. 105.

³⁶ Там же, с. 114—117.

³⁷ Грацианский Н. П. Система полей у римлян, с. 63—64.

³⁸ Hug., 131, 17.

³⁹ Грацианский Н. П. Система полей у римлян, с. 61.

⁴⁰ Hug., 112, 24.

⁴¹ Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий, с. 39.

ных местах. С течением времени эти заимствованные земли на государственных полях тоже подвергались межеванию и закреплялись за их владельцами в частную собственность.

Таким образом, в аграрных отношениях древних римлян наблюдалась определенная закономерность — превращение разных категорий владений в частную собственность посредством межевания и их юридического оформления.

В эпоху ранней империи усиливалась тенденция приобретения поместий средних, по определению В. И. Кузищина, катоновского типа владений, разбросанных в разных областях и хозяйственно мало связанных друг с другом⁴², «Часто бывает так, — говорит Гигин, — что некоторые господа владеют сплошными поместьями, составленными из мелких владений. Как обычно, два или три поместья присоединяются к одной вилле, но межевые знаки между ними сохраняются»⁴³. Такое же сообщение мы находим у Сикула Фланка: «Случается так, что поля, ассигнованные многим владельцам, перешли одному господину, и хотя они не похожи по обработке, хотя еще сохраняются границы, установленные между ними, кому были ассигнованы поля, так часто бывает, когда территория многих участков переходит в одни руки»⁴⁴. Новый владелец этих поместий постепенно их переселявал, создавая единый хозяйственный организм.

Крупные земельные владения возникали также путем захвата резервных земель колонии (*excepta loca*). Нередко обширные «изъятые поместья» (*fundi excepti*) даровались за особые заслуги. Существовала также категория уступленных поместий (*fundi concessi*), которые представлялись заслуженным римлянам. Эти поместья составляли несколько сплошных центурий, которые не подвергались внутреннему межеванию⁴⁵.

При наделении земель в колониях оставались неразделенными храмовые земли, различные отрезки (*subseciva*) — пограничные центурии, удобные для обработки поля, но затопливаемые во время половодий⁴⁶. В категорию отрезков попадали также излишние земли, оставшиеся после наделения в случаях недостаточного количества колонистов. В общем пользовании находились пастбища, леса и пустоши⁴⁷. Все эти категории земель составляли резерв для новых латифундий и расширения существующих.

---

⁴² Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий, с. 43.

⁴³ *Hug.*, 93.

⁴⁴ *Sic. Fl.*, *CAR*, p. 125—126. ❧

⁴⁵ *CAR*, рис. 123.

⁴⁶ *CAR*, 127.

⁴⁷ *Sic. Fl.*, 152, 12.

Таким образом, в аграрной истории Древнего Рима прослеживается тенденция развития земельных отношений от владений небольшими участками к возникновению крупных рабовладельческих латифундий, господствовавших в целом море мелких владений (fundi). «Все отношения собственности были, — указывают К. Маркс и Ф. Энгельс, — подвержены постоянной исторической смене, постоянным историческим изменениям»⁴⁸. Земельная собственность в Риме претерпевала изменения и принимала различные формы в зависимости от условий производства⁴⁹.

Эволюция форм земельной собственности в Древнем Риме сообразно условиям производства представляет большой научный интерес и требует специального исследования.

И. А. ГВОЗДЕВА

ТИПЫ ПОЛЕЙ У РИМЛЯН ПО ТРАКТАТАМ ЮЛИЯ ФРОНТИНА

Аграрные отношения на всем протяжении истории Древнего Рима играли важнейшую роль, определяя особенности социально-политической борьбы, социально-экономическую структуру в целом.

Естественно, земельные отношения в тот или иной период римской истории оказывались предметом пристального внимания ученых. В настоящее время существует богатая литература, в которой многие аспекты аграрных отношений исследованы самым обстоятельным образом. Тем не менее юридическая и техническая стороны аграрных отношений, тесно связанных с римским аграрным правом, такие проблемы, как техника земельного межевания, техническое и юридическое обеспечение прав собственности и владения, слабо отражены в трудах современных специалистов, хотя до нас дошли остатки трактатов римских землемеров, где эти вопросы изложены с большой полнотой.

В 1974 г. вышла специальная работа западногерманского историка Ф. Т. Хинрикса, посвященная истории земельных институтов¹, где автор использует кроме трактатов землемеров данные аэрофотосъемки. В работе подробно исследуется вопрос о происхождении самого института межевания, прослеживается происхождение и развитие центуриации. Уделе-

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 438.

⁴⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. I, с. 485.

¹ Hinrichs F. T. Die Geschichte der gromatischen Institutionen. Wiesbaden, 1974.

но внимание изучению проблемы возникновения древнейшего вида межевания — скамнации, что заполняет одну из самых сияющих лакун истории римского межевания.

В данной статье мы посчитали возможным привести для аналогии материал из истории межевания на Гераклеийском полуострове, хоры Херсонеса. Изучение данных Гераклеийского межевания показало, что имеются точки соприкосновения между ними и основными принципами античной (в ее римском варианте) средиземноморской системы.

Самым ранним из сохранившихся произведений римских землемеров являются остатки нескольких трактатов Секста Юлия Фронтина, одного из высокопоставленных чиновников Римской империи конца I — начала II в. н. э. Юлий Фронтин был, видимо, одним из первых авторов, который дал теоретическое обобщение богатой аграрной практики и активной аграрной политики римских императоров I в., начиная с Августа.

Сохранились четыре трактата Секста Юлия Фронтинана: «О типах полей», «О видах земельных споров», «О лимитах», «Об искусстве межевания», — тесно связанных между собой и, возможно, являющихся частями одного общего произведения².

Предметом данной статьи является изложение некоторых проблем межевания земельной территории и классификации типов полей по трактатам Фронтинана, который обобщил огромный опыт, накопленный римскими землемерами при массовой колонизации времени правления Августа, императоров династии Юлиев—Клавдиев.

Римляне в зависимости от конкретной аграрной ситуации выделяли различные типы полей. В плодородных и густонаселенных областях или во вновь освоенных колониях они проводили тщательную организацию территории с проведением основных осей и размежеванием всей территории на отдельные участки. В других условиях они ограничивались определением размеров полей по крайнему рубежу. Наконец, в ряде случаев они даже не считали возможным проводить какое-либо измерение полей и указывали лишь естественные рубежи.

В связи с этим Фронтин анализирует три типа полей земель Римской Империи с точки зрения официального государственного межевания: поля, разделенные и ассигнированные, охваченные измерением по границе, и арцифини, которые не имеют никакого измерения (CAR, Fr. p. 1).

---

² Blume F., Lachmann K., Mommsen Th. und Rudorff A. Die Schriften der Römischen Feldmesser, v. 2. Berlin, 1852, s. 102—112.

Фронтин подчеркивает, что первый тип поля, само название которого указывает, что оно не только измерено, но и разбито на участки, характерен для колоний, т. е. для того разряда городов, жители которых обладали полным римским гражданством. Этот тип поля имеет, по свидетельству Фронтин, две разновидности: первая — поле, ассигнированное посредством таких границ, как лимес; вторая — поле, ассигнированное посредством межесвых линий другого рода, а именно: ригорес. В связи с этим способы межевания на полях «разделенных и ассигнированных» выступают в форме центуриации и в форме, так называемой стригации — скамнции (CAR, p. 10).

Особое значение в повседневной практике массовой римской колонизации II в. до н. э. — I в. н. э. имел тот способ организации земельной территории, который получил название центуриации. Как показывает название этого способа, связан он с древнейшей войсковой единицей в Риме — центурий и восходит к отдаленным временам. Сам Фронтин и другие землемеры возводили разработку основных принципов центуриации к практике этрусских жрецов-прорицателей (CAR, p. 10—11). Ко времени Августа техника центуриации уже сложилась и представляла собой разработанную систему³.

Центуриация — способ межевания, характерный для выведения колоний, предполагает наделение определенного массива земли, пригодной для земледельческого использования (т. е. такой почвы, по которой ходили плуг и серп (CAR, p. 164), при исключении земель, трудных для обработки (т. е. холмов, лесистых и болотистых земель). По большей части эта земля представляла собой сплошной массив. Землемеры обозначали территорию, ассигнированную колонии, термином *pertica*. Если размер пертики был меньше, чем было необходимо для определенного числа колонистов, то из границ соседней общины можно было прирезать к данной пертике землю или сплошным куском, или отдельными участками. Такая прирезанная из соседней общины земля называлась *praefectura* (CAR, p. 14—15).

Намеченная к центуриации территория приводилась в порядок, т. е. уничтожались прежние межевые знаки или остающиеся приводились к единому порядку, после чего и начиналось проведение центуриации. Основной целью этого вида межевания являлось наделение колонистов и, главным образом, ветеранов земель (начиная с Цезаря и Августа) и создание устойчивой системы пользования участками, создаю-

---

³ Кузицин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., МГУ, с. 140—142.

щей благоприятные условия для эксплуатации земельной собственности, а также использования угодий, свободного подхода к участкам, без помехи соседям. Целые войсковые единицы, вплоть до полного легиона, селились в колониях (CAR, p. 141), где легионеры сообразно своим заслугам получали земельные участки. Поэтому землемеры выводят исходные принципы центуриации также и от схемы устройства римского лагеря (CAR, p. 144).

Непосредственное межевание территории проводили специалисты-землемеры, которые с помощью особых инструментов намечали главные межевые оси. Первой задачей землемеров был выбор основной точки отсчета, которую стремились определить на наиболее высоком месте и, как правило, недалеко от стен ближайшего города (CAR, p. 135—143).

После совершения положенных ауспий в присутствии учредителя колонии землемеры определяли восток и устанавливали на условной точке отсчета инструмент — грому (*groma*). Грома представляет собой два бруска, сложенных крест-накрест под прямым углом и установленных на подставке — *fergamentum*. Этот крест вращался⁴. К концам брусков привязывались тонкие нити или жилы, которые натягивались грузами, обеспечивая горизонтальное положение брусков; ориентируя направление одного бруска на восток, землемеры легко определяли направление частей света⁵. Установив грому после определения частей света, землемеры определяли линии восхода и захода солнца в данной местности (CAR, p. 146—147). В том случае, если на местности имелся высокий холм, то курс солнца землемеры старались определить с горы таким образом, чтобы была видна точка восхода и заката.

Итак, определив точку отсчета, линии восток—запад и местные варианты восхода—захода, землемеры приступали к проведению основных осей межевания: вдоль линии север—юг проводилась ось, называемая основной кардо, а вдоль линии запад—восток — основной декуманус (*decumanus maximus, cardo maximus*). Условная линия проводилась землемерами острием меча, а затем от нее в обе стороны откладывались равные отрезки земли (по 10 футов в каждую сторону), таким образом устанавливалась ширина основных осей межевания (CAR, p. 17), которые служили не только главными осевыми линиями, но и общественными дорогами. Оси меже-

⁴ Любкер. Реальный словарь классической древности. СПб.-М., 1884, с. 448.

⁵ CAR. Frontini. De arte mensoria. p. 17. Один экземпляр земельного инструмента *groma* найден в Помпеях и реконструирован М. Делла Корте. См.: M. Della Corte. *Groma* in «*Monumenti antichi*» pubblicati dall'Acc. dei Lincei, XXVIII, 1922.

вания кардо и декуманус — это основные линии-лимиты при центуриации (CAR, p. 11). Основная межевая линия — декуманус максимум делит поле на правую (*dextra*) и левую (*-sini-stra*) стороны, а кардо максимум — на нижнюю (*citra*) и верхнюю (*ultra*). Пересечение этих линий делит всю территорию на четыре основные части. Декуманус максимум и кардо максимум имели наибольшую ширину в 20 футов, т. е. около 7 метров⁶.

Фронтин считает лучшим способом межевания тот, по которому декуманус максимум проводится строго с востока на запад, а кардо максимум — с юга на север (CAR, p. 14). Это было обычное правило, на первый взгляд, достаточно жесткое. Однако теория и практика земельного межевания римлян была очень гибкой и в значительной степени приспособлялась к существующему рельефу местности. Поэтому Фронтин допускает довольно свободную ориентацию главных осей межевания. В зависимости от конкретных условий главные оси можно смещать вплоть до того, что кардо и декуманус менялись местами. «Позже некоторые, не зная этого, исходили из другого правила, как, например, проводили декуманус по той части поля, которая оказалась более длинной. Другие обращали декуманус не на восток, но так их проводили, что они оказывались против севера. Так было в Кампанском поле около Капуи, где кардо ориентировано на восток, а декуманус на юг» (CAR, p. 12). Эти же примеры приводит и Гигин Громатик (CAR, p. 135).

Измеряемая квадратная площадь поля делится декуманус максимум и кардо максимум на четыре четверти. Параллельно этим главным делителям на определенном расстоянии от них — через каждые 240 десятифутовых пертик или 20 линейных актусов проводились второстепенные делители, носящие тоже название декуманус и кардинес (CAR, p. 206). Таким образом, поле принимало вид большой шахматной доски. Эти второстепенные лимиты делаются более узкими (ширина 8 футов — 2,6 метра), те, которые обращены на восток, называются прорсос, те, которые к югу, называются трансверсос (CAR, p. 12). Это название впервые было дано в законе по межеванию Уританского поля в Галлии и вошло в последующую практику. Эти же лимиты на территории Италии, по свидетельству Гигина Громатика, носят название субруциви (CAR, p. 133). Каждый пятый из этих лимитов имеет большую ширину — 12 фунтов и называется *actuarius* или *quintarius*.

---

⁶ CAR. Hygini Grom. Constitutio. p. 157. Такова ширина основных межевых линий на Гераклейском полуострове.

В зависимости от особенностей природных условий римская межевая система предусматривала различные термины для линий лимитес. Так, в Умбрии, около храма Фортуны, лимиты, имеющие направление к морю, назывались морскими, в другом месте, если направлены на горы, назывались горными (CAR, p. 13).

Лимиты прорсы связаны с делением поля на правую и левую части, а трансверсы — на нижнюю и верхнюю.

Система пересекающихся прорсов и трансверсов делит всю территорию на равные части, каждая сторона которых равна 100 футам. Греки называют такой квадрат плетром, а оски и умбры — ворсом (CAR, p. 13). Землемеры допускают отклонение от нормы в величине квадрата — до 120 футов. У римлян эта единица деления поля называется квадратный актус — это квадрат, каждая сторона которого равна 12 десятифутовым пертикам, а в квадрате 144 пертики.

Пространство в четыре квадратных актуса называется фундус-участок (CAR, p. 13). Два таких соединенных участка образовывали югер, два югера, объединенные в одно целое, образовывали квадратное поле, каждая сторона по 2 актуса. Фронтин сообщает, что первое название такого участка — жребий (сортес), а умноженный на 100 составлял 200 югеров и являлся *центурией* (CAR, p. 14). Так Фронтин объясняет образование центурии. Югер представлял собой прямоугольник, ширина которого та же, что и у актуса, — 120 футов, длина двойная — 240 футов. 200 югеров образуют основную межевую единицу римской центуриации — центурию. Хинрикс считает, что 200-югерные центурии стали обычной нормой межевания римлян уже во II в. до н. э.⁷

Гибкость римской аграрной политики проявлялась в практике образования центурий различных размеров. Так, в Кремоне центурии состоят из 210 югеров, а в Италии триумвиры нарезали центурии по 50 югеров. По мнению Хинрикса, оформление одного из основных видов межевания — центуриации завершалось лишь в конце республики⁸.

Выше указывалось, что все пограничные линии — лимиты служили границами центурий и представляли собой определенной ширины общественную дорогу. Лимитес шириной в 8 футов позволяли разъехаться двум повозкам и обеспечивали доступ к центуриям со всех сторон. Все землемеры постоянно ссылаются на специальное законодательство о дорогах (CAR, p. 10, 12—13). Создание четкой дорожной сети было также одной из основных задач центуриации. Причем внутри центурии участки один от другого отличались границами (*finēs*), которые представляли собой дорогу, но уже проселоч-

⁷ Hinrichs. F. T. Op. cit., s. 55.

⁸ Там же, s. 56.

ного типа, шириной 5—6 футов (1,5—1,8 метров), позволявшей проехать одной повозке (CAR, p. 5). К каждому участку даже внутри центурии можно было подъехать со всех сторон, но уже по узкой проселочной дороге, имевшей местное значение.

При центуриации наделы распределялись с помощью жребия, причем части надела могли лежать в разных центуриях⁹. Так, Фронтин пишет, что нский Луций Тит три четверти своего надела имеет в одной центурии, а одну четверть — в соседней центурии (CAR, p. 5). Все это, однако, не создавало чересполосицы и не нарушало дорожной сети. Соблюдению правильной ширины дороги, как общественной, так и проселочной, на всем ее протяжении землемеры придавали большое значение, тщательно оформляя ее на плане¹⁰. Поэтому при проведении межевых линий, определяющих дороги, Фронтин рекомендует тщательно пользоваться инструментами при расстановке мет—знаков, по которым определяется направление и ширина дороги, а также внимательно пользоваться угломером для определения прямых углов (CAR, p. 15), несмотря на трудность проведения подобных измерений, заключающуюся в разнообразии природы мест, пересеченном рельефе, наличии гор, рек, морских берегов, холмов, впадин, наносной почвы (CAR, p. 16).

Римские землемеры все границы центурий и участков (т. е. все делители: основные и второстепенные) заносили на план (огта) — медную доску (CAR, p. 164). При центуриации план межевания принимал вид шахматной доски с четко определенными дорогами. Одним из наиболее ярких примеров может служить план размежевания клеров на Гераклеийском полуострове в Херсонесе III—II в. до н. э. На плане, составленном А. Строковым в 1786 г., ярко видны сохранившиеся межевые линии клеров, служившие общественными дорогами. Сложившаяся в эллинистическое время система межевания в хоре Херсонеса, может быть, сопоставлялась с римской системой межевания; и сейчас можно проследить общественные дороги, ширина которых соответствует основным делителям (декуману и карду), а также второстепенные линейные делители, ширина которых говорит о том, что они служили лимитами.

⁹ Подробные сведения о происхождении жеребьевки мы находим у Гигина Громатика. CAR. *Hug. Grom. Constitutio*. p. 163.

¹⁰ Грацианский Н. П. Система полей у римлян по трактатам землемеров. ВДИ. 1940, № 1, с. 58—60. Автор данной статьи полемизирует с Дошшем, который видел в разбросанности римских наделов обычную чересполосицу, а границы — *finis* рассматривал как условные линии на плане. Грацианский доказывает, что *finis* были проселочными дорогами, а кажущаяся чересполосица оказывается продуманной системой дорог, общественных и частных, открывавшей доступ ко всем частям надела.

Автор капитального исследования, посвященного клерам Гераклеийского полуострова, С. А. Стржелецкий не без основания считал, что «земледелие Херсонеса представляет классический образец античного земледелия древнегреческого и древнеиталийского времени»¹¹.

Другим типом полного межевания территории, принятого у римлян, была система, получившая название стригация — скамнация. В отличие от системы центуриации при стригации-скамнации измеряемый участок разбит не на прямоугольники или квадратные участки — центурии, а в виде правильно чередующихся продольных и поперечных полос — земельных единиц («скамей» и «полос»). При системе межевания типа стригации и скамнации главные межевые линии уже называются не термином лимитес, а ригорес и проводятся параллельно основным — декуману или кардио. Они прерывались и образовывали участки прямоугольной формы, одна сторона которых в два раза превышает другую. Название таких участков определяли по расположению более длинной стороны. Участок, вытянутый в длину, т. е. в направлении север—юг, назывался стригой-полосой, а в ширину (восток—запад) — скамьей.

Следует отметить, что Фронтин упоминает о стригации и скамнации как о более древнем способе межевания и характерном для провинции¹². В специальной литературе происхождению этого вида межевания — стригации и скамнации — обычно уделялось значительно меньше внимания, чем центуриации; чаще всего применение его объяснялось лишь местными топографическими условиями¹³. Наиболее обстоятельный анализ происхождения системы скамнации дается в работе Хинрикса¹⁴. Он, опираясь на сведения Фронтини о скамнации, как о более древнем способе межевания, а также на данные аэрофотосъемки, наметил три этапа развития этого вида межевания.

Первый этап (V—IV вв. до н. э.) Хинрикс рассматривает как первоначальную форму. Следы этого периода можно проследить в ранних колониях латинского союза, таких, как

---

¹¹ Стржелецкий С. А. Клеры Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму. Херсонесский сборник. Вып. VI. Симферополь, 1961, с. 134—135, 162, 169.

¹² CAR. Frontini. De agrorum qualitate. p. 1. «То же, что согласно этому условию измерено в длину, называется *per strigas*; то, что в ширину — *per scamna*».

¹³ Например, Грацианский И. П., не анализируя происхождения скамнации, считает наиболее правдоподобным мнение Бодуэна, объясняющего применение различных способов межевания, в частности — центуриации и скамнации местными топографическими условиями. — Грацианский И. П. Указ. соч., с. 55.

¹⁴ Hinrichs. Op. cit., s. 24—63.

Алатрий, Ферентин, Непеи¹⁵. На этом этапе, по мнению автора, система стригации-скамнции не сложилась, в частности, трудно проследить основные оси межевания, что говорит о несовершенстве этой системы.

Второй этап отражает распространение системы скамнции-стригации на территории многочисленных латинских колоний, выведенных римлянами в III в. до н. э. Применение этой системы способствовало ее технической разработке, возможно, в это время обозначились основные оси межевания.

Третий этап, начавшийся во II в. до н. э., характеризуется применением скамнции на большой территории с четко обозначенными декуманом и кардом, прямыми углами самих парцелл, что обобщало богатую практику по выведению колоний латинского права в IV—III вв. до н. э.

Основной вывод Хинрикса: система «скамнция-стригация» — более ранний тип межевания, чем планомерная центуриация; формы этого типа имели наибольшее распространение и характерны главным образом для Средней Италии.

Учитывая важные сведения Фронтин (стригация и скамнция нередко применялись и в провинциях) и исследовав материалы аэрофотосъемки, Хинрикс приходит к другому важному выводу, что межевание в виде стригации и скамнции применялось в имперское время в провинциях наряду с центуриацией¹⁶.

Рассмотрим подробнее основные особенности этой системы межевания. Для понимания смысла и особенностей этой системы особое значение имеет объяснение главной межевой линии, которая отличается от линий — *limites* и называется *rigores*. Фронтин этот вид межевания так и определяет «посредством ригорес». Что такое *rigores*? Ригорес, с помощью которых происходит межевание на стриги и скамьи, представляют собой пограничные полосы шириной в 8 футов (2,6 метра). Ригорес, так же как и лимитес, имеют значение общественных дорог. Однако в качестве основного землемерного рубежа *rigores* существенно отличаются от *limites* центуриации. Отличие состоит в том, что ригорес не является прямой полосой, идущей параллельно карду или декуману. Ригорес на определенном участке разрывается другими полосами, а поле приобретает иной вид, чем при центуриации — не в виде многочисленных квадратов — центурий, а в виде системы лежащих и поставленных на ребро полос — прямоугольников, называемых техническими терминами: *striga scamna*, т. е. полоса скамьи. Поэтому основная межевая линия *rigores* приобретает в отличие от прямых *limites* иной вид.

¹⁵ Hinrichs. Op. cit., s. 46.

¹⁶ Ibid., s. 48.

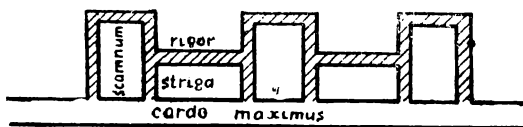

Рис. 1. Способ межевания стригацией и скамнацией.

При центуриации и скамнации лимитес и ригорес, ограничивающие центурии и скамьи, в принципе не совпадают с рубежами конкретных владений, наделов колонистов (ассептае—финес (fines)). Ведь части надела колониста могут лежать даже в нескольких центуриях¹⁷. Рассматривая расположение наделов в центуриях, а также в системе скамнации, Н. П. Грацианский считает, что этот порядок не означал чересполосного владения, так как владения, хотя и перерезались центуриатными и скамнатными рубежами, не нарушали общей компактности владения¹⁸. Особенно это характерно для ассептае, находящихся на границах центурий и скамей. В этом случае надел мог быть в 2—3 центуриях (скамьях), но представлять собой сплошной массив, к которому подходили общественные дороги, обеспечивающие свободный подъезд. Это интересное наблюдение, основанное на анализе трактатов землемеров, лишней раз подчеркивает гибкость римской землемерной практики и приспособляемость к местным условиям.

Границы отдельных участков колонистов—финес—могли совпадать с лимитами и ригорами. Финес—это обозначение границы конкретного надела на всех трех типах полей, в то время как лимитес и ригорес являются границами основных структурных единиц на разделенных и ассигнированных полях. И если они являются общественными дорогами, то финес—граница участка—полоса в 5—6 футов (1,5—1,8 метров) шириной служила дорогой местного значения, которая позволяла хозяину проехать к своему участку, не тревожа соседа по центурии¹⁹.

¹⁷ CAR. Hygini Grom. Constitutio. p. 163; Frontini. De controversiis, p. 5. «О размере тяжба возникает на ассигнированном поле: спор ведется из-за особой защиты древних названий, а именно, если бы Л. Тит взял ДДПІККІV—3 части жребия или то, что ему подобно, то четвертую часть имел бы в какой-нибудь ближайшей центурии. Ведь всему его владению лимес не стал бы границей (финес), даже если бы он служил общественной дорогой».

¹⁸ Грацианский Н. П. Указ соч., с. 58.

¹⁹ CAR. Frontini. p. 5. «Подобный спор происходит о границе (de fine) (нет никакого сомнения, что я скажу о характере границы выше). Ведь она регулируется тем же законом (Мамиллия) и по ширине устанавливается из пяти футов».

Таким образом, одной из основных целей межевания полей указанного типа было создание компактных участков со свободным доступом на данное владение со стороны общественной или проселочной дороги²⁰, что позволяло каждому землевладельцу данной колонии вести хозяйство по своему усмотрению.

Система римского межевания была бы неполностью освещенной, если бы мы обошли вниманием проблему так называемых отрезков и оформления на планах неудобных и бросовых земель.

При межевании больших земельных массивов иногда случалось так, что нарезанных участков оказывалось больше. Например, землемеры нарезали 3000 участков, а колонистов было 2500. Из оставшихся незанятыми 500 участков образовывали несколько пустующих центурий, которые назывались отрезками (*subsecivi*).

Другой вид отрезков — это края подвергаемой межеванию территории, которые при центуриации не достигают полной центурии. «Отрезок, — пишет Фронтин, — это поле, получившее свое наименование от отсекающей линии. Имеются два вида отрезков: один, когда на крайних границах ассигнированных полей нельзя создать полную центурию; другой род отрезков — который оказывается в середине размежевания и в целых центуриях»²¹. Итак, неполная центурия попадает в разряд отрезков. «Отрезки могут образовываться и в том случае, если поле, предназначенное для ассигнации, превышает своим размером необходимый для данного количества колонистов, как в Лузитании в пределах Августинцев»²². Собственно в понятие отрезков *subseciva* входит все то, что отсекается линией измерения.

В понятие отрезков включаются и места, называемые экстра клюза — это поля, лежащие между крайней линией ассигнированного поля и центуриями, т. е. прямые линии последних прямоугольников или центурий часто не совпадают с границами отмежеванного поля, в результате чего образуются некоторые пустые пространства — *extra clusa*.

Отрезки могли даваться в пользование общине и служить общественным пастбищем. Это *pasca publica communalia*²³ находилось в собственности римского государства. Отрезки, переданные в пользование ближайшим родственником, соседям, назывались *compasca*. Обычно таких соседей было четыре-пять²⁴. Выгоны не могли быть во владении отдельного

²⁰ Грацианский Н. П. Указ соч., с. 63.

²¹ CAR. Frontini. De argorum qualitate. p. 2.

²² CAR. Frontini. De controversiis. p. 9.

²³ CAR. Frontini, p. 9.

²⁴ CAR. Frontini. De controversiis. p. 6.

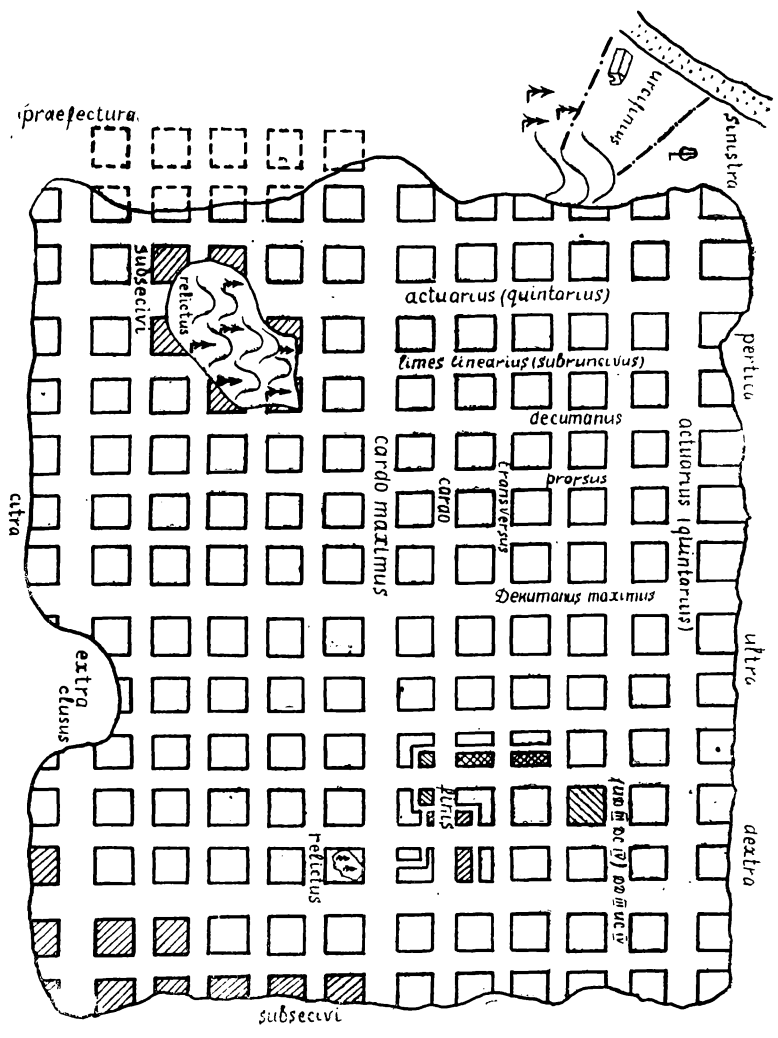

Рис. 2. Способ межевания центуриацией.

собственника, но являлись нераздельным общим угодьем ближайших владельцев²⁵. Ближайший владелец мог использовать как выгон неполную центурию — отрезок, прилегающий к его владению²⁶.

В пределах колонии могли оказаться и места, неудобные для обработки земли (болота, леса), которые также могли использоваться ближайшими владельцами. Фронтин называет такие места *gelicta*. Они не подлежат ассигнации, но обозначались на плане²⁷. Это обстоятельство (занесение на план — *gelicta*) дало основание П. П. Грацианскому включить в понятие отрезков и *loca gelicta*, приравнивая их к *extra clusa*²⁸. Однако понятие субсецива охватывает лишь земли, пригодные для ассигнации и не вошедшие в состав наделов колонистов²⁹.

Такова довольно сложная картина, образующаяся на полях, разделенных и ассигнированных после проведения межевания.

Итак, для полей типа разделенных и ассигнированных характерно проведение основных осей межевания, четкое разделение ассигнированного поля на центурии или скамьи, создание строгой сети дорог, отделяющих одну центурию или скамью от другой, и дорожной сети внутри центурии, так называемых проселочных дорог, позволявших подъехать к участку с любой стороны. Кроме того, на полях этого типа владельцы могли пользоваться общественными пастбищами или лесами, которые тщательно разграничивались от пахотных земель. Все нормы и правила межевания и пользования участками и угодьями законодательно оформлялись и самым тщательным образом фиксировались на плане.

Большая часть трактатов землемеров посвящена анализу межевания и видам земельных споров при выведении колоний на поля разделенные и ассигнированные.

В том же случае, если проводилось измерение земельного массива, на который не выводилась вся колония, а требовалось суммарное определение размеров всей территории, например, для налогового обложения, то римляне применяли другой тип межевания, который получил название полей, охваченных пограничным измерением (*mensura per extremitatem comprehensi*³⁰). В этом случае определяются пограничной полосой лишь внешние границы земельной площади, которая передается городу, общине и т. д. уже для дальнейшей размеже-

²⁵ Грацианский Н. П. Указ. соч., с. 63.

²⁶ CAR. Frontini, De controversiis. p. 8.

²⁷ CAR. Frontini, De controversiis. p. 9.

²⁸ Грацианский Н. П. Указ. соч., с. 62.

²⁹ Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., МГУ, 1976, с. 145—147.

³⁰ CAR. Frontini, De argorum qualitate. p. 1—2.

ки по местной системе. Измерения такого типа характерны для трибутарной земли провинций, как в Лузитании у Салматиченцев или в ближней Испании у Палантинцев³¹. В этом случае римскую администрацию интересовал общий объем земель в данной провинции, подлежащих налогообложению. Право же разделения на участки принадлежало самой общине. И на данные земли, очевидно, не планировалось выведение колоний.

Римские землемеры имели дело еще с одним типом межевания, который называли арцифиний (*arcifini*)³². Этот тип поля не содержит в себе никаких измерений в виде проведенных землемерами пограничных линий, а ограничивается фиксацией естественных рубежей: реками, горами, рвами, дорогами, деревьями, холмами. Так что земельный массив такого типа, попадая в орбиту римского внимания, не подвергался какому-либо измерению или размежеванию. Здесь лишь происходило закрепление какой-то площади за римским государством по мере завоевания чужих территорий. Собственно говоря, на это указывает и само название *arcifini*. Фронтин считает, ссылаясь на Варрона, что *arcifini* происходит от выражения — сдерживать врагов³³.

Наличие столь разнообразных типов межевания полей, содержащих в себе несколько видов, характерных для территорий с различным юридическим статусом, показывает гибкость римской землемерной практики. Выполняя основную задачу — разделение полей на участки для римских граждан и провинциалов, римская землемерная администрация прежде всего заботилась о создании благоприятных условий для пользования участками и угодьями. С этой целью строго определялась и проводилась сеть дорог, открывавшая свободный доступ как к крупным земельным единицам, так и к проселочным дорогам, ограничивающим каждый отдельный участок. Это давало возможность владельцу своевременно обрабатывать все части надела, несмотря на то, что они могли находиться в различных центуриях или скамьях.

Римская землемерная теория и практика закрепила и законодательно оформила нормы деления всех типов полей, правила пользования участками и угодьями, предусмотрела все виды земельных споров и способы их разрешения, создала благоприятную основу для надежного обеспечения владельческих прав на земельные участки и спокойную обстановку в сельской местности.

---

³¹ CAR, p. 2.

³² CAR. Frontini. De argorum qualitate. p. 2.

³³ Ibid., p. 2.

ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОЙ ТЕРРИТОРИИ ИТАЛИЙСКИХ CIVITAS, ПО ДАННЫМ ВЕЛЕЙСКОЙ ТАБЛИЦЫ

В современной литературе по истории ранней Римской империи уделяется большое внимание изучению различных сторон аграрной проблемы, тем не менее ряд связанных с этим вопросов изучен еще плохо. Например, большой интерес представляет организация сельской территории, можно ли ее представить как сумму площадей поместий, как сочетание территории поместий и деревень, или перед нами более сложное явление. Слабая изученность этих вопросов объясняется характером источниковедческой базы. По отношению к Велейской общине представляется редкая возможность подробно рассмотреть ее территориальную структуру, потому что сохранился уникальный историко-юридический документ — Велейская закладная таблица начала II в. н. э.¹ В советской литературе ему до сих пор уделялось мало внимания, в историографии Римской империи он изучается достаточно подробно.²

Известно о существовании пагов как больших сельских административно-территориальных единиц. В Галлии они прослеживаются начиная с доримской и кончая средневековой эпохами³. Паг как форма расселения известен с различными вариациями у италийских, греческих, кельтских, германских и славянских племен⁴. Исследуется вопрос об административной организации пагов. Велейский документ дает возможность изучать вопрос о пагах в несколько ином ракурсе — брать не паг сам по себе, а рассматривать его в каче-

¹ CIL, IX, 1147. Таблица принадлежит к числу крупнейших эпитафических памятников; достаточно сказать, что ее издание в CIL занимает 11 с. Общую характеристику таблицы см.: Кузищин В. И. Генезис рабовладельческих латифундий в Италии. М., 1976, с. 173 и сл., который и обратил на нее внимание в советской литературе: Римское рабовладельческое поместье. М., 1973, с. 18 и сл.

² О находке и дальнейшей судьбе надписи см.: Кузищин В. И. Генезис... там же, где есть указание и на ряд работ о надписи. Библиографию о ней подробнее см.: T. Sorbelli L. A. Muratori e la Tavola dei fanciulli e delle fanciulle alimentari di Velleia Studi Veleiati Atti e memorie del I convegno di Studi storici e archeologici 1954 Piacenza 1955; см. также Atti del 3 congresso di Studi Veleiati Milano 1969.

³ Например, A. Longnon Etudes sur les pagi de la Gaule. Paris, 1872

⁴ Серени Э. Сельская община и ее границы в древней Лигурии. ВДИ, 1956, 4, с. 26. На паги делилась даже территория города Рима. — Петушил И. В. Очерк римских государственных древностей I Государственное устройство Рима до Августа, вып. 3. Харьков, 1902, с. 558, есть и ряд надписей с указанием римских пагов: CIL I, 801; VI, 2719 (ILS 079); VI, 251 (ILS 6080); VI, 30888 (ILS 6081). В последнем случае под пагом можно понимать просто «район».

стве составного территориального элемента более крупной единицы — городской общины (*civitas*). Для Велейи известны названия не только пагов и имения, леса и т. п., находившихся в пределах каждого из них, но и территорий на границе между различными пагами, поэтому существует возможность определить местонахождение древних пагов на современной карте этого района

В Галлии паги иногда охватывали значительную территорию, сравнимую с современными районами или даже областями, в Италии они были гораздо меньше. От Велейи до Плаценции около 40 км, и мы знаем, что велейские паги фиксировались отдельно от плацентинских. От Велейи до Луки около 80 км, до Пармы около 50 км, и в таблице много указаний на границы с общиной луцензов, а паг *Mercurialis* фигурирует как *Parmensis*. Известно, что территория Капуи простиралась на 40 тыс. шагов⁵. Исходя из этих примеров можно заключить, что пригородную территорию допустимо сравнить с площадью круга радиусом 20—60 км. На такой территории располагалось около десятка пагов, размер которых также колебался. Есть мнение, что большее число упоминаний велейских пагов свидетельствует об их большей площади и наоборот⁶. Это утверждение, будучи весьма вероятным, носит все же характер гипотезы, потому что алиментарная таблица не имела целью описание всей территории общины, всех пагов, всех имений, фиксировала лишь заложенные имения, поэтому нам неизвестно ни общее число, ни общая площадь оставшихся незаложенными земель и соответственно то, в каких пагах они находились⁷. Однако число заложенных имений слишком велико, чтобы в необходимой степени повысить вероятность и исключить в целом случайность выводов, базирующихся на их анализе. К тому же эту картину существенно дополняет указание на пограничные земли.

В первых работах XVIII в., изучавших Велейскую таблицу вскоре после ее находки, предлагалась подчас фантастическая локализация пагов⁸. Сейчас можно с уверенностью сказать, что паг *Ambitrebis* располагался по обоим берегам реки Требии (это следует и из его названия), паги *Albensis* и *Do-*

---

⁵ «*Intus coloniae Capua ab XL passum campo dicta*». — Plin. N. H., 3, 63. Нетушил И. В. Указ соч., с. 613.

⁶ Sereni E. *Comunità rurali nell'Italia antica* Roma 1955, p. 315.

⁷ Де Паштер условно полагал, что было заложено и описано в таблице около половины земель Велейи. — F. D. de Pachtère *La table hypothécaire de Veleia Etude sur la propriété foncière dans l'Appennin de Plaisance*, Paris, 1920, p. 2.

⁸ Подробнее об этих работах F. D. de Pachtère, op. cit., p. 5.

mitius располагались соответственно в верхней и средней части реки Нурэ, а паг Statiellus — в верхней части реки Арда⁹.

Названия пагов, как правило, латинские, и их этимология может быть прослежена очень четко. Это справедливо, и для велейских, и для плацентинских, и для беневентских пагов¹⁰. Наиболее распространенные названия иногда совпадают для различных общин, например, в Беневенте, как и в Велее, мы встречаем паги Herculanus, Marcialis, Salutaris. Паг Statiellus упомянут как велейский и как паг луцензов, Salutaris и Valerius — как велейский и как плацентинский. В то время как для Велейи и Беневента одинаковые паги говорят лишь о совпадении названий, по отношению к соседним общинам Велейи и Плаценции может иметь место как это явление, так и то, что у Серени названо «дуализмом границ», т. е. в этих случаях границы старых пагов накладывались на границы новых civitates, при этом некогда единые паги были как бы поделены между последними¹¹. Применительно к Велее Сузини пишет, что при анализе топонимики пагов, деревень и поместий можно обнаружить наличие различных лингвистических слоев — лигурийского, в основном в качестве субстрата, кельтского как второстепенного и римского, становящегося доминирующим¹².

Серени доказывает, что первоначально паги граничили между собой не непосредственно, а через общее пастбище,

---

⁹ Серени Э. Указ. соч., с. 26. Географическое описание территории Велейи и прилегающих областей см.: D. P. Sotti L'antico territorio veleiate Considerazione geografiche Studi Veleiati (1955) p. 17-25. Formentini U. Luna-Boron- Veleia Ibid. p. 189-194.

¹⁰ Albensis от albeo «быть белым», Dianius прилаг. к Diana, Domitius римск. nomen (от domum itio), Floreius от floreus «покрытый цветами», Iunonius от Iuno Salvius — римск. nomen от salveo «быть здоровым», Sulcus от sulcus «борозда», Salutaris от Salutaris «здоровый», Valerius римск. nomen от valeo «быть здоровым», плацентинские паги: Iulius римск. nomen, Minervius от Minerva, Venerius от Venus, Mercurialis от Mercurius, Marius — римск. nomen, Apollinaris от Apollo, Cerialis от Ceres; беневентские паги: Aequanus от aequo «выравнивать», Albanus см.: велейский Albensis, Articulanus от articulo «расчленять», Beneventanus «беневентский», — Caelanus от caelo «вырезать», Cetanus от Ceto (морская нимфа), Fascianus от fascio «обвязывать», Catillinus — Catillina римск. cognomen, Horticulanus от hortus «сад», Libitinus от Libitina Saeculanus от saeculum «век» и т. д. Беневентская таблица (CIL IX, 1455) носит гоcho такой же алиментарный характер, как и велейская, см. о ней Кузицин В. И. Генезис..., с. 175. Обе алиментарные таблицы опубликованы также Штаерман Е. М. Избранные латинские надписи по социально-экономической истории ранней Римской империи. — ВДИ, 1955, 2, № 48—49.

¹¹ Sereni E. *Comunità...*, p. 337.

¹² Susini G. *Problemi di storia Veleiate Studi Veleiati* (1955), p. 98. Об этимологии велейских пагов см. также Pauly-Wissowa *Real Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft «Veleia»*.

дорогу, реку и т. п., т. е. через территорию, совместно использовавшуюся жителями обоих пограничных пагов, которая играла роль оборонительной полосы или нейтральной границы. В римское время эти функции исчезли и свелись к чисто практической роли границы, территория общего пастбища распределилась между пагами, и они стали граничить друг с другом непосредственно¹³. Серени предлагает рассматривать паг не как территориальный отдел общины, подчиненный ей, а как независимую от самой общины административную единицу, лишь постепенно попадавшую в сферу ее подчинения. В римскую эпоху паг продолжал сохранять свою конфигурацию и в определенной степени внутреннюю организацию и древние функции¹⁴.

Все же можно сказать, что в период составления таблицы деление на паги представляется скорее традиционно-историческим, чем только строго административным. Нередки случаи, когда имение находится сразу в двух пагах, это значит, что часть его находится в одном, а часть в другом паге, что не мешает владельцу свободно закладывать или продавать его полностью. По этому поводу Вебер замечает, что при распределении земельной собственности в Велле и Планценции и при приобретении поместий границы пагов просто игнорировались¹⁵. Есть случаи, когда отмечено, что имение находится в одном или в другом паге, т. е. между пагами нет четкой границы, и неизвестно, какому пагу принадлежала данная территория. В одном случае прямо указано, что *saltus pagis Salvio et Valerio inter* — VII, 57). Именно подобные факты Серени считает указанием на совместные древние межплеменные угодья или на то, что не вся территория общины делится на паги, оставляя место для нейтральных пограничных полос древности¹⁶.

Де Паштер все указания на два пага сводит к случаям «спорной территории». Он считает, что паг был для жителей тем же, чем для современных крестьян является понятие «местность». Это вполне определенный термин, но невозможно его всегда точно описать. Часто на невозделанных лесистых землях не было границ, и иногда было просто безразлично, к какому из двух пограничных пагов относить данный участок земли. Он также полагает, что если земли различных пагов, не отмеченные как соседние, принадлежат одной фамилии или одному владельцу, то есть определенные шансы, что эти паги соприкасаются, и предположение тем более вероятно, чем менее богата собственность и, следовательно, ме-

¹³ Серени Э. Указ. соч., с. 42 и сл.

¹⁴ Sereni E. Op. cit., p. 329—345.

¹⁵ Вебер М. Аграрная история древнего мира. М., с. 280.

¹⁶ Sereni E. Op. cit., p. 402.

нее способна приобретать удаленные друг от друга имения¹⁷. Исходя, в частности, из этих принципов, он составил свою лучшую известную карту велейских пагов. Это весьма сложная задача, и не случайно большая часть этой карты намечена лишь пунктиром¹⁸.

Иногда в таблице есть указание на границы с землями соседних общин. Имеется 28 таких случаев, из которых следует, что 7 из 15 велейских пагов граничат с землями общины лупензов (*Statiellus, Valerius, Junonius, Albensis, Veleius, Medutius, Floreus*)¹⁹, один паг (*Ambitrebis*) граничит с землями плацентинов. В таблице из Беневента также есть упоминания о границах с землями соседней общины (I, 44; III, 7). По «Закону Мамилия Росция»²⁰ установленные межи следовало фиксировать вплоть до пределов земли, принадлежащей колонии или округу. Поэтому можно утверждать, что границы между общинами, как правило, существовали. И если внутри общины границы между пагами, как указано выше, не всегда были четко определены, то в таблице не встречаются случаи, когда было бы неизвестно, к какой общине принадлежит данный паг или участок земли.

На территории пагов встречаются деревни — *vicus*. В отличие от названий пагов ни одно из названий деревень не является латинским, они либо лигурийские, либо кельтские²¹.

¹⁷ De Pachtère op. cit. p. 27, 44.

¹⁸ De Pachtère, op. cit. p. 30 она воспроизведена и у D. Pietro Scotti *L'antico territorio, veleiate considerazioni geografiche Studi Veleiati*.

¹⁹ I, 56—59; III, 63; III, 94; VI, 18; VII, 43; II, 20; III 4; III, 34; III, 77; III, 68; VI, 51; III, 74; VII, 39; IV, 60; VI, 37; IV, 63; VI, 20; VI, 20; VI, 3; II, 25; III, 66; III, 21; III, 23. Ссылки дются на № колонки и строки. Названия остальных пагов: *Domitius, Bagiennus, Dianius, Luras, Salvius, Salutaris, Sulcus*.

²⁰ Три сохранившиеся главы закона (53—55) дошли до нас в собраниях грамматиков, изданы у Bruns *Fontes Iuris Romani antiqui* 7 ed. London, 1909. Закон традиционно относится к 55 г. до н. э., хотя в 1946 г. была высказана точка зрения, что он мог быть издан только в 47 г. до н. э. — J. Le Gaull *La date de la Lex Coloniae Genetivae Juliae et celle de la Lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia* *Revue de Philologie* P. 1946 p. 139—143. 54 глава почти дословно повторяет 104 главу „Закона колонии Генетивы“ 44 г. до н. э. (Bruns *Fontes... CIL*. 5439; *CIL*, I², 534; *ILS*, 6087; *ВДИ* 1956, 2 „Избранные...“ № 1945). об этом законе также E. Fabricius *Über die Lex Mamilia Roscia Peducaea alliena Fabia* *AK Wissenschaft. philos. hist. Klass.* 1924—25, 1 Heidelberg 1924; A. Piganiol *La table de bronze de Falerio et la loi Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia* *Comptes rendus de l'Academie des Inscriptions et Belles Lettres* Paris 1939 p. 139—200.

²¹ Susini G. *Problemi... Studi Velciati* p. 98; E. Sereni op. cit. p. 387.

Упомянутые в таблице 9 деревень распределяются по 6 пагам²². Определение деревни есть у Феста²³: «(деревни)... получают с полей те, кто не имеет там вилл, как Марсы или Пелигны. Но среди деревень некоторые имеют органы власти и там осуществляется право, некоторые из этого ничего не имеют, однако там проводятся рыночные дни по причине ведения дел, и должностные лица деревни, также должностные лица пага избираются ежегодно. В другом случае обозначают такой род построек, которые примыкают к этому городу, которые ... отстоят друг от друга, разделенные дорогами и границами и разделены с помощью различия непохожих названий. В-третьих, обозначает такой род построек, которые в городе так сооружают, чтобы в этой постройке был проход, и каждый из обитателей имел доступ к своему дому. В этом случае эти люди не называются «сельскими жителями» подобно тем, которые живут в «деревнях» города, проживают в полях и называются «сельскими жителями».

Интересна первая часть этого определения, посвященная собственно деревням²⁴. В частности, там указано на должностных лиц деревни и пага. Существует точка зрения, вы-

²² Приведем контекст упоминания деревень: pag. supra scriptum vico Blondelia adf. (I, 75), loco s.s. (I, 77; I 79; I, 81; I, 84; I, 85; I, 86; I, 89), pag. Albense vico Seceniae adf. (I, 67), loco s.s. (I, 69; I, 70; I, 72 (bis)), pag. s.s. vico Flania adf. (II, 56), pag. Domitio vico Caturnico adf. (II, 93), pag. Albense Blondeliae Seceniae adf. (IV, 23), pag. Salvio fund. ... super vico Irvacco (VI, 14), pag. Albense vico Lubelio adf. (VI, 50), pag. Bagienno vico Iuanclio adf. (I, 42), pag. s.s. vico Nitelio adf. (I, 44), pag. Velleio vico Ucciae adf. (VI, 20). Только в одном случае видно, что именьи находилось «выше деревни» (super vico), в остальных же случаях они находились либо «при деревне», либо «в деревне». Вряд ли можно исключить случаи аренды или покупки каких-то земель у деревни частными лицами.

²³ (vici)... capiunt ex agris, qui ibi villas non habent, ut Marsi aut Paeligni. Sed ex vicis partim habent rem publicam et ius dicitur, partim nihil eorum et tamen ibi nundinae aguntur negotii gerendi causa, et magistri vici item magistri pagi quotannis fiunt. Altera cum id genus aedificiorum definitur, quae continentia sunt his oppidis, quae... Itineribus regionibusque distributa inter se distant, nominibusque dissimilibus discriminis causa sunt partita. Tertio, cum id genus aedificiorum definitur, quae oppido prae id est in suo quisque loco propria ita aedificat ut in eo aedificio pervium sit, quo itinere habitatores ad suam quisque habitationem habeat accessum, qui non dicuntur vicani, sicut ii, qui aut in oppidi vicis, aut hi, qui in agris sunt, vicano appellantur, Sexti Pompei Festi de verborum significatu quae supersunt cum Pauli epitomae Lps. 1913.

²⁴ О значении термина vicus в качестве части городских построек см.: Нетушил И. В. Указ. соч., с. 559. Есть надпись 136 г. н. э., где содержится длинный список vicus в Риме и упомянуты magistri vicorum Urbis (Romae) (CIL, VI, 975 = ILS, 6073), которых в этом случае можно понимать как должностных лиц городских кварталов, есть и другие надписи с упоминанием vicus для Рима: ILS, 6075—6078.

сказанная еще Моммзенем и поддерживаемая современными авторами²⁵, что каждый город в римской провинции отвечал за администрацию значительного окружающего района, часть которого была населена людьми, сгруппированными в союзы, «приписанные» к данному городу. Шлеермахер в статье «Civitas et vicus в провинции» пишет, что постановления по делам деревни выносили на своем собрании ее жители и что деревня имела ежегодно сменяемых чиновников, различавшихся по титулам и функциям — aedilis, curator, magister, plati-danus. В этой статье часто речь идет о крупных vicus в Германии в императорскую эпоху, которые иногда идентифицировались с oppidum, с центром civitas, бывшей иногда очень большим округом, он даже считает, что их далеко не всегда правомерно считать деревнями²⁶. В статье Беловой доказыва-ется на эпиграфическом материале, что в Галлии сельский округ мог иметь свою особую власть, в целом подчиненную влиянию муниципального центра, но в то же время он в значительной мере продолжал жить собственной жизнью²⁷. Мно-гочисленные факты о существовании деревень в римской Ита-лии приведены у В. И. Кузищина²⁸.

Таким образом, наличие деревень в велейской общине представляется закономерным, и хотя, по данным таблицы, мы ничего не знаем об их внутреннем устройстве, для ее реконструкции можно использовать определение Феста и мате-риал о деревнях в иных местах, например в Галлии и Гер-мании.

В двух велейских деревнях (I, 42 и I, 44) зафиксировано наличие колоний²⁹. Возможно, что к деревням иногда отно-сится выражение «cum communioneibus». Анализ его смысла посвящено несколько страниц книги Серени. Однако он отме-чает, что текст таблицы не даст указаний на его расшифров-

---

²⁵ Stevenson G. H. Roman provincial administration till the age of the Antonines. Oxf, 1949, p. 162.

²⁶ Schleiermacher W. Civitas und vicus provincialia. Festschrift für R. Laur-Belant Basel, 1968.

²⁷ Белова Н. Н. Городской строй римской Галлии в первые века нашей эры. — «Ученые записки Уральского университета», 1960, 38 (I). О магистрах, эдилах, префектах, совете и народных собраниях деревень и пагов пишет Виллемс П. Римское государственное право, т. 2. Киев, 1890, «Муниципий». Вебер М. (Указ. соч., с. 21) отмечает, что в позднем праве деревня и паг предстают в качестве юридических лиц, которые владеют земельными участками, автономно выносят решения о своих делах и могут вести судебные процессы.

²⁸ Кузищин В. И. Римское рабовладельческое поместье, с. 18 и сл.

²⁹ Подробнее о колониальной политике империи I в. н. э., начиная с Августа, см.: Кузищин В. И. Генезис..., с. 140 и сл.

ку. Он высказывает гипотезу, что они могли быть общими пастбищами, используемыми одной или несколькими деревнями внутри пага³⁰.

По его мнению, население жило не в отдельных домах или хуторах, а в деревнях, чьи обитатели ежедневно шли в поле и на пастбища³¹. Относительно числа деревень считается, что велейские поселения были редкими, разбросанными, деревни были крайне малочисленны, изолированы и бедны³². Серени считает, что общая площадь деревень не покрывала всей территории пага и что паг вообще не всегда делился на деревни³³. Каждый житель деревни, являясь членом общины пага, участвовал в пользовании его общими пастбищами и землями, в его собраниях и в соблюдении его культов, но, будучи жителем деревни и членом деревенской общины, он участвовал и в пользовании другими землями, пастбищами, в иных собраниях и в отправлении иных культов, недоступных остальным жителям пага, не являвшимся членами данной деревни³⁴. Он также полагает, что некий этнический или родовой критерий, имевший наибольшее значение в доримское время, определял возможность предоставления права называться *vicanis*, в отличие от простых поселенцев, поскольку в надписях эти термины различаются³⁵. В Велейской таблице упомянуты и просто жители пага — «*ad fines pagani pagi Ambitrebis*» (VI, 90), а также какие-то союзники—*adf. soci Taxtanulates*» (V, 2).

Таким образом, сельская территория италийской общины предстает неоднородной. Она разделяется на паги, внутри которых были деревни, вне деревень располагались различные частные поместья (*saltus, fundus*), а также общественные земли, иногда земли императора. Деление на паги было наиболее общим, поскольку все остальные виды земель, как правило, локализуются внутри какого-либо пага. В статье рассмотрен именно этот аспект вопроса об организации сельской территории общины.

---

³⁰ Sereni E. *op. cit.*, p. 501—504.

³¹ *Ibid.*, p. 387.

³² Andreotti R. *I fattori storici della consistenza urbana di Veleia Studi Veleiati* (1955), p. 75—95. Он также считает, что плотность населения не превышала 5—10 чел. на 1 кв. км и что средний уровень образования и культуры жителей был значительно меньше минимума, требовавшегося, например, для легионеров и преторианцев.

³³ Sereni E. *op. cit.*, p. 400.

³⁴ *Ibid.*, p. 405.

³⁵ CIL, V, 3504 «*vicanis et habitantibus*». — E. Sereni *op. cit.*, p. 406.

РАБОЧАЯ СИЛА ПО ТРАКТАТУ ПАЛЛАДИЯ

К. Родбертус считал, что в трактате Палладия говорится о крестьянах-колодах¹. А. Р. Корсунский видит в качестве рабочей силы у Палладия рабов². Он приводит в доказательство две бесспорные ссылки, где прямо говорится о рабах.

Этого, пожалуй, недостаточно, чтобы судить о характере эксплуатации рабочей силы в IV в. Поэтому следует рассмотреть все сообщения Палладия по этой проблеме и проанализировать их. Люди, выполняющие разнообразные работы, часто встречаются в трактате Палладия. Вот их специальности: пахарь (*arator* — II, 3, 1 и III, 26, 5), жнец (*messor* — VII, 2, 1), погонщик волов (*bubulcus* — II, 3, 2), вскопщик земли (*fossor* — II, 10, 3 и III, 25, 3), подрезчик деревьев (*putator* — I, 35, 2, III, 12, 2), пастух (*pastor* — III, 26, 4), надсмотрщик (*custos* — VII, 7, 4—5), рабочий, обрубающий ветки (*operarius* — VI, 4, 1), копатель колодцев (*fossor* — IX, 9, 1). Кроме того, указываются и ремесленники, профессии которых строго разграничены. Наконец, упомянуты и слуги (I, 9, 4).

Палладий показывает хорошее, с точки зрения рабовладельцев, знание дела и большой опыт, который он накопил, эксплуатируя труд рабов. Это говорит о широком распространении рабского труда в его имениях и имениях его современников.

Слуги и ремесленники жили в претории, в помещениях, расположенных над банями, чтобы можно было сэкономить на фундаментах и топливе (I, 40, 5). Это еще раз подтверждает то, что здесь жили рабы, из-за находящихся под ними бань такие помещения могли быть зловонными и сырыми. Вероятно, здесь жили не одни слуги и ремесленники. Нет никаких оснований сбрасывать со счета также и рабов сельскохозяйственных специальностей, так как Палладий говорит о рабских природных наклонностях не слуг или ремесленников, а вообще рабов (XIV, 2). Кроме того, в трактате есть место, где говорится о рабе именно такой специальности. Здесь он назван *servulus*. «Не назначай смотрителем молодого избалованного раба, так как он надеется на ненаказуемость сегодняшней вины по причине прежней любви» (I, 6, 18).

¹ Родбертус К. Исследования в области национальной экономики классической древности. Вып. 1. Ярославль, 1880, с. 18.

² Корсунский А. Р. О положении рабов, вольноотпущенников и колонов в западных провинциях Римской империи в IV—V вв. н. э. — ВДИ, 1954, № 2, с. 50—51.

Речь идет о смотрителе (*praesul*) земли, а не о человеке, который контролирует работу находящихся здесь людей. Для надсмотрщика он слишком молод, а ведь Палладий говорит «...в делах сельских жителей молодые слушаются, а старики приказывают» (I, 6, 3).

Кроме того, имеется место, где говорится о подобных же смотрителях (*praesul*) в оливковой роще. Оно не оставляет сомнений в том, что это рабочий, а не надзиратели.

Греческие авторы «советуют оливу, после того как она посажена и осмотрена, предоставить уходу молодых мальчиков и девиц; я верю, целомудрие этих смотрителей напоминает чистоту этого дерева» (I, 6, 14).

В обоих случаях для обозначения смотрителей употребляется термин *praesul*, надсмотрщик же за трудом рабов обозначается у Палладия термином *custos* (II, 10, 4). Имеется основание считать, что эти надсмотрщики были рабами, ибо хозяин поместья не очень им доверял (вспомним рассуждения Палладия о правах рабов). Это заставляет его самого контролировать качество вспашки вслед за надсмотрщиком (*custos*)³. «*Sed aequaliter terram motam esse cognoscis, si transversam per sulcos perticam mittas: quae res saepius facta, bubulcos ad haec negligentia submovchit*» (II, 3, 2)⁴. Форма второго лица ед. числа у Палладия обычна для обращения к своим читателям, а ими, безусловно, были не рабы, а такие, как и наш автор, хозяева рабовладельческих поместий. Это и позволяет говорить о контроле со стороны хозяина.

Настойчивость контроля, само отношение к погонщику говорят о том, что он также раб.

Следует обратить внимание и на употребление слова во множественном числе.

О том, что на сельскохозяйственных работах широко используются рабы, говорят и нормы выработки: «Пять модиев сможет скосить хороший жнец, три — средний, а плохой и того меньше» (VII, 2, 1). Трудно предположить, чтобы такой рачительный хозяин, как Палладий, нанимал плохого рабочего! К числу нанятых не относится и человек, который ведет «мифическими» средствами борьбу с градом, так как работа эта носит случайный характер (I, 35, 14).

В трактате Палладия есть упоминания о женском и детском труде (I, 6, 14).

³ Pall., II, 10, 4: Хозяин вообще очень активно вмешивается во все дела в усадьбе, контролируя качество и количество произведенных руками его рабов работ.

⁴ Pall., II, 10, 4: «Узнаешь, равномерно ли вспахана земля, если почаще будешь измерять глубину борозд шестом, тогда погонщики не будут небрежными».

1. Автор рассказывает о мальчиках (*investes pueros*), которые в течение 5 часов трясут вино (VIII, 7).

2. Здесь молодой мальчик (*investis puer*) работает у вина — (IX, 14, 16).

3. Женщина (*mulier*), с распущенными волосами и босая, ходит по саду, чтобы в нем не водились вредители-насекомые (I, 35, 2). Вряд ли вообще можно говорить о найме женщин и тем более детей для подобных случайных работ. Кроме того, обращает внимание то обстоятельство, что указанные работы исполняются на территории усадьбы, где трудятся и рабыни-птичницы (I, 27, 1).

Женщины и дети собирают желуди в господском лесу (XII, 14). Нужно думать, что они были рабами. Соображения о рабском происхождении женщин и детей подкрепляются указанием на наличие воспитанников в барском доме (см. выше I, 6, 18).

Применялся и труд свободных людей. В трактате имеются высказывания, которые, на наш взгляд, говорят об этом.

«В этом месяце деревья, которые стоят посреди полей, заваливают кучами земли, чтобы их не спалило солнце. Один рабочий закопает 20 больших деревьев» (VIII, 1).

«При рубке веток нормы таковы: хороший рабочий сможет обработать в высоком лесу один модий пространства, средний же — на треть меньше» (VI, 4, 1).

В приведенных нормах выработки в первом случае нет указаний на среднего и плохого работника, а во втором — плохого. Действительно, экономный хозяин мог при найме отказать плохому работнику, а в случае нехватки рабочей силы принять рабочего среднего качества. Приведенные соображения о найме рабочей силы подкрепляют и сообщения Гермогениана⁵, а также соответствующие разделы эдикта Диоклетиана о ценах. Однако вряд ли наем рабочей силы был значительным, так как в трактате ясно выражено стремление вести хозяйство лишь своими силами. «Оцени свои силы при возделывании сельскохозяйственных культур, чтобы вследствие невозможности не бросить позорно то, что предпринял» (I, 6, 12).

В целях экономии труда Палладий рекомендует ряд мер: 1) применение жнейки и косы на уборке зерновых (VII, 2, 2); 2) использование воды из бань на мельнице для помола зерна (I, 42); 3) посадку винограда по сортам, созревающим в разное время (III, 9, 12—13). Во всех перечисленных слу-

⁵ D. I, I, 5. «Этим правом народов введена война, разделение народов, основание царств, разделение имуществ, установление границ, полей, построение зданий, учреждены торговля, купля-продажа, наймы». Перевод дан по приложению кп.: Перетерский И. С. Дигесты Юстиниана. М., 1956.

чаях Палладий четко определяет и основную цель таких новшеств — экономию труда. Он советует даже отказаться от трудоемкой работы, если не хватает рабочих рук в поместье⁶. Следует заметить, что рационализация у Палладия касается наиболее трудоемких работ. Наконец, Палладий стремится продлить сроки работ, поэтому он замечает: «Если работа выполнена за 15 дней до ее срока, то это не слишком рано, если прошло 15 дней после срока, то это также не слишком поздно» (I, 6, 15).

С этой целью при острой необходимости рекомендуется отменять праздники (I, 6, 7). С учетом общей экстенсификации сельского хозяйства приходится заключить, что в поместьях, описанных Палладием, рабский труд стоял среди других категорий на первом месте. Этот вывод вполне согласуется с популярной сентенцией Либания о широком распространении труда рабов в Римской империи его времени.

«Два слова — «раб» и «свободный» — звучат по всей земле, и в домах, и на площадях, и на полях, и на лугах, и на горах, а теперь уже и *на кораблях и лодках* (XXV, 1)⁷.

Либаний указывает и на расширение сферы применения труда рабов (см. подчеркнутое). Хотя вопрос об удельном весе в позднюю империю колоната и рабовладения является спорным, многие исследователи полагают, что рабство далеко не изжило себя. Еще Э. Гиббон считал, что в IV в. самым популярным способом возделывания земли было применение труда рабов⁸. А. Р. Корсунский считает, что рабство в западных провинциях играло важнейшую роль⁹. Среди других провинций Италия не была исключением. Этот вывод в последнее время подтвердила Н. Н. Белова на примере Галлии. Собранный ею материал свидетельствует о широком распространении труда рабов в сельском хозяйстве Римской Галлии, существование же других категорий эксплуатируемых проблематично¹⁰. Г. Л. Курбатов, анализируя речи Либания, приходит к выводу о том, что хотя в Сирии труд рабов был допол-

---

⁶ Так, при покрытии пылью винограда Палладий советует это делать при небольших размерах виноградников либо при наличии достаточной рабочей силы (IX, 3, а также I, 6, 3).

⁷ Перевод дан по изд.: Шестаков С. Речи Либания. Т. 1, Казань, 1914.

⁸ Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Т. 3. М., 1884, с. 412.

⁹ Корсунский А. Р. Указ. соч., с. 47—51.

¹⁰ Белова Н. Н. О формах зависимости в сельском хозяйстве Римской Галлии I—III вв. н. э. — ВДИ, 1970, № 1, с. 132—133. Она отмечает, что по времени виллы, рассматриваемые в статье, относятся к кон. III—нач. IV вв. н. э.

нением к труду колонов¹¹, в целом в империи рабство было очень широко распространено. К этому же выводу пришли и В. Д. Неронова¹² и другие исследователи¹³. Наконец, о широком распространении труда рабов в III—IV в. н. э. говорит и то большое внимание, которое уделяли римские юристы рабской проблеме.

Обратимся к организации труда рабов. Судя по приведенным данным, рабы были специализированы по различным видам сельскохозяйственных работ, отсюда уже отмечавшееся разнообразие терминов для обозначения их профессий. Рабы были объединены в коллективы, обслуживающие различные отрасли поместного хозяйства, во главе которых стояли надсмотрщики (VII, 7, 5). По-видимому, пахари были организованы в особый коллектив, который обслуживал все нужды хозяйства во всех отраслях. Об этом говорят 4 факта: 1) Палладий нигде не указывает среднего или плохого пахаря; 2) надзор за вспашкой ведет специальный надсмотрщик (II, 10, 4); 3) пахотой в хозяйстве занимались многие люди; 4) пахота велась не менее 9 месяцев в году.

Жнецы, например, такой специализированной организации не имели и поэтому при мобилизации всех сил хозяйства во время жатвы оказывалось: одни справлялись с работой хорошо, другие — хуже, третьи — совсем плохо. Надзор за жатвой вел сам хозяин, а не надсмотрщик¹⁴. В итоге жатва падает лишь на 3 месяца в году. Во главе всего хозяйства стоит сам хозяин или его управитель (*procurator* — I, 36, 1), при котором образована контора, где трудятся упомянутые Палладием рабы-переписчики (XIV, 1). Отметим, что должности и термина *villicus* Палладий не знает. Видимо, его обязанности легли теперь на плечи хозяина, управителя и штата надсмотрщиков.

А. Р. Корсунский говорит об увеличении естественного прироста рабов в эпоху поздней империи¹⁵. Это положение

---

¹¹ Курбатов Г. Л. Рабы и проблема рабства в произведениях Либания. — ВДИ, 1964, № 2, с. 96—106.

¹² Неронова В. Д. Речи Либания как источник по истории кризиса Поздней Римской империи. — «Ученые записки Перм. ГУ. Ист. науки», 1964, № 117, с. 63—64.

¹³ Кречмар М. К вопросу о хозяйственной эволюции древнего Рима. — ВУИ, 1905, т. 3, с. 14—15; Каждан А. П. О некоторых спорных вопросах истории становления феодальных отношений в Римской империи. — ВДИ, 1953, № 3, с. 88; Удальцова З. В., Каждан А. П. Некоторые нерешенные проблемы социально-экономической истории Византии. — ВИ, 1958, № 10.

¹⁴ Pall., VII, 2, 1; VIII, 1; X, 12.

¹⁵ Корсунский А. Р. Указ. соч., с. 48.

вполне подтверждает Палладий, в сочинении которого часто упоминаются женщины и дети. Эти семьи, видимо, составляли крепкие рабочие коллективы¹⁶, так как указом императора Константина было запрещено продавать их членов порознь (СTh, II, 25, 1)¹⁷. Трудно предполагать, что все члены этих коллективов были заняты на одних и тех же работах, а поэтому приходится заключить, что главная цель указанного рескрипта — увеличение количества рабов (*vergae*).

С другой стороны, в указе Константина видим признание за рабом права быть членом семейного коллектива. В этой связи можно указать на толкование пыточных допросов юристом IV в. н. э. Аркадием Харизия, который говорит о запрещении пыток отцов-рабов по делам их сыновей и наоборот (D. 48, 18, 10, 1—3). Данные обстоятельства заставляют считать, что рабы-*vergae* играли весьма важную роль в эпоху поздней империи.

Е. М. Штаерман полагает, что так было и в эпоху ранней империи¹⁸. Затраты на воспитание рабов и превращение их в полноценную рабочую силу были достаточно велики, поэтому в целях сокращения этих затрат уже с раннего возраста начинается эксплуатация детей в рабовладельческих поместьях — подтверждение находим в трактате Палладия.

Таким образом, трактат Палладия служит ценным источником, свидетельствующим о большой роли рабского труда в экономике поздней Римской империи.

А. П. ДАНИЛОВА

Р. Ю. ВИППЕР О МЕСТЕ И ЗНАЧЕНИИ АГРАРНОГО ВОПРОСА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ ГРАКХОВ

(30—20 гг. II в. до н. э.)

В научном творчестве крупного русского и советского историка академика Р. Ю. Виппера (1859—1954) большое место занимают проблемы античности и, в частности, вопросы со-

---

¹⁶ Тарасова Н. П. К вопросу о правовом положении рабов в поздней Римской империи. — «Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук», № 251, вып. 28, Л., 1958, с. 80.

¹⁷ «In Sardinia fundis patrimonii vel enfyteuticariis per diversos nunc dominos distributis oportuit sic possessionem fieri divisiones, ut integra possessorem unumquemque servorum cognatio permaneret».

¹⁸ Штаерман Е. М., Трофимова М. К. Рабовладельческие отношения в ранней Римской империи (Италия). М., 1971, с. 24.

циально-экономических отношений, социального и демократического движения в поздней римской республике¹.

Р. Ю. Виппер подчеркивал для эпохи поздней римской республики особую значимость демократического движения и тесную связь с ним аграрного вопроса. «При всей краткости своего активного выступления, — отмечает он, — захватывающего какие-нибудь 70 лет, демократия римская интересна, однако, своей идейной программой, своей публицистикой и в особенности постановкой аграрного вопроса»².

Аграрному вопросу и аграрному движению в связи с развитием римской демократии и падением римской республики в работах Р. Ю. Виппера отводится значительное место³. Историк прожил долгую жизнь, его научное творчество многообразно по поднимаемым вопросам, рассматриваемым про-

---

¹ Бузескул В. П. Виппер Р. Ю. Лекции по истории Греции. Ч. 1, М., 1905. — «Журнал Министерства Народного Просвещения», 1905, № 10, с. 435; Рожков Н. Виппер Р. Учебник древней истории. М., 1900. — «Жизнь», 1900, № 11, с. 336—339; Успенский К. Виппер Р. Ю. История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916. — «Голос минувшего», 1917, № 11—12, с. 351—355; Нетушил И. В. Краткое обозрение разработки римской истории. Харьков, 1916, с. 34; Бузескул В. П. Всеобщая история и ее представители в России XIX и начала XX вв. В 2-х частях. Ч. II, Л., 1931, с. 214; Волгин В. П. Виппер Р. Ю. — Большая Советская Энциклопедия (далее БСЭ). Изд. 1-е, М., 1930, т. 11, с. 187; Голубцова Н. И. Виппер Р. Ю. — БСЭ, Изд. 3-е, М., 1971, т. 5, с. 93; Виппер Р. Ю. Некролог. — «Вестник древней истории» (далее ВДИ), 1955, № 2, с. 201; Виппер Р. Ю. Некролог. — «Вопросы истории» (далее ВИ), 1955, № 1, с. 192; Косминский Е. А. Пеструшевский Д. М. — В сб. «Средние века». Вып. 2, М.-Л., 1946, с. 9; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1956, с. 55; Очерки истории исторической науки в СССР. В 4-х т. Т. 3, М., 1963, с. 387—388, 402—403; т. 4, М., 1966, с. 578; Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. М., Изд-во МГУ, 1976, с. 24, 51, 140 и др.

² Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. М., 1908, с. IV.

³ Виппер Р. Ю. Школьное преподавание древней истории и новая историческая наука. — «Вестник воспитания», 1898, № 1; Учебник древней истории (который выдержал с 1900 г. по 1923 г. 13 изданий: (1900, 1902, 1904, 1906, 1907, 1909, 1911, 1913, 1918, 1921, 1923, 1923)); Лекции по истории Греции. Ч. I, М., 1905 (2-е и 3-е стереотипные издания. М., 1906, 1909); Очерки истории Римской империи. М., 1908 (2-е доп. изд. Берлин, 1923); История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916 (2-е испр. изд. Ч. I, М., 1918); Учебник истории. Ч. I. Древность. Рига, 1925; Коммунизм и культура. Рига, 1925; Общие вопросы учения и исторические теории XVIII—XIX вв. в связи с общественным движением на Западе. СПб., 1900 (М., 1908, 1913, 1919, Иваново-Вознесенск, 1925); Очерки теории исторического познания. М., 1911; Две интеллигенции и другие очерки. Сборник статей и публичных лекций. 1900—1912. М., 1912; Судьба религии. Берлин-Петербург, 1923; Возникновение христианства — ВДИ. 1941, № 1; Возникновение христианской литературы. М.-Л., 1946; Рим и раннее христианство. М., 1954 и др.

блемам. Общественно-политические, философские и общеисторические взгляды Р. Ю. Виппера не оставались неизменными на разных этапах его научной и педагогической деятельности. Эволюция мировоззрения историка нашла отражение в исследовании конкретно исторического материала.

В данной статье мы не ставили задачу проследить эту эволюцию и ее влияние на трактовку Р. Ю. Виппером вопросов римской аграрной истории и римского демократического движения. Наша задача уже по объему. Мы остановимся на взглядах ученого по этим проблемам в начале XX в. Подобная постановка задачи исследования вытекает из следующих соображений: во-первых, детальная и основательная постановка проблемы аграрного вопроса в связи с демократическим движением в римской республике в период ее кризиса и падения дается Р. Ю. Виппером именно в этот период его научного творчества, в первом десятилетии XX в.⁴, позже, после Великой Октябрьской революции, ученый отходит от этих проблем, увлекается проблемами возникновения религии вообще и христианства в частности, поэтому интересующие нас вопросы затрагиваются в работах по новой проблематике лишь вскользь; во-вторых этот период научно-педагогической деятельности историка интересен тем, что именно здесь особенно ярко и отчетливо проявилось влияние общественной и политической обстановки в России на творчество ученого, особенно воздействие первой русской революции 1905—1907 гг.; в-третьих, в данный период Р. Ю. Виппер находится под некоторым влиянием марксизма, тяготеет к экономическому материализму, что и определяет его большое внимание к социально-экономическим проблемам, вопросам классовой борьбы; и, наконец, в-четвертых, этот период является важным переломным рубежом не только для творчества Р. Ю. Виппера, но и для всей русской буржуазной либеральной историографии, которая вступает в период своего полного кризиса. Кризисные тенденции начинают все сильнее проявляться в работах Р. Ю. Виппера этого периода, усиливаясь и становясь господствующими позже.

Творческое наследие Р. Ю. Виппера в области античной истории до сих пор не являлось темой специального исследования. Лишь в самое последнее время появились работы, посвященные научному творчеству видного русского и советско-

---

⁴ Самое значительное исследование Р. Ю. Виппера по аграрному и демократическому вопросам в период кризиса и падения республики в Риме «Очерки истории Римской империи» вышло в 1908 г. Под империей в данной работе автор имел в виду не политическую форму, а «завоевательное расширение Рима и Италии».

го историка⁵. Однако в них вопросы античной истории в трактовке Р. Ю. Виппера или вообще не затрагиваются (в статье и автореферате К. К. Лусиса), или же его научное наследие в области античной истории используется для выяснения политических взглядов, философской направленности его мировоззрения (в работе Б. Г. Сафронова).

Значение научного вклада Р. Ю. Виппера в изучение истории поздней римской республики, причин ее падения, социальной и политической борьбы в недрах римского общества этого периода, демократического движения и в связи с ним аграрного вопроса отмечалось многими советскими историками-античниками: Н. А. Машкиным⁶, С. Л. Утченко⁷, А. Г. Бокщаниным⁸ и др.

Интерес Р. Ю. Виппера к социально-экономической проблематике, истории демократического движения в римской республике, аграрному вопросу и аграрному движению был обусловлен усилением внимания западной и русской историографии периода империализма к социально-экономическим проблемам под влиянием возрастания роли экономического фактора в жизни общества в период империализма, роста классовых противоречий и классовой борьбы, в России под влиянием буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг. и все усиливающимся воздействием идей марксизма⁹.

Основоположники марксизма связывали прогресс в историографии с появлением и усилением в ней социально-экономической проблематики. В статье «Мадзини и Наполеон» К. Маркс писал: «Подлинный прогресс в современной историографии был достигнут только тогда, когда историки с поверхности политических форм спустились в недра социальной

---

⁵ Лусис К. К. Р. Ю. Виппер на пути к материалистическому пониманию истории. — «Известия АН Латвийской ССР», 1976, № 3; Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время. Изд-во МГУ, 1976; Лусис К. К. Философская интерпретация исторического знания в трудах Р. Ю. Виппера. Автореферат. Рига, 1977.

⁶ Машкин Н. А. История древнего Рима, с. 55; Принципат Августа (происхождение и социальная сущность). М., 1949, с. 60, 63, 354—355.

⁷ Утченко С. Л. Изучение истории древнего мира в советской историографии. Античность. — В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. IV, с. 578; Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики. М., 1952, с. 3, 31—33, 36—38, 48; Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969, с. 154; Цицерон и его время. М., 1973, с. 83—84; Юлий Цезарь. М., 1976, с. 33.

⁸ Бокщанин А. Г. Как изучалась история Древнего Рима. — В кн.: История Древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокщанина и В. И. Кузищина. М., 1971, с. 466—467.

⁹ Шапиро А. Л. Русская историография в период империализма. Л., Изд-во ЛГУ, 1962, с. 17.

жизни»¹⁰. Именно глубокий интерес к социальной и экономической проблематике истории античного общества является достоинством Р. Ю. Виппера как историка.

В настоящей статье ставится задача показать вклад Р. Ю. Виппера в разработку аграрного вопроса в Римской республике периода ее кризиса и падения, в особенности в изучение гракханского движения, и определение того влияния, которое оказала на концепцию аграрных отношений Р. Ю. Виппера реальная действительность России начала XX в.

В экономике рабовладельческого общества сельское хозяйство играло, как известно, решающую роль, земля была основным видом собственности, главным средством производства, поэтому само развитие данного способа производства с его основным законом — мобилизацией богатства в руках немногих — выливалось в специфическую форму — концентрацию земельной собственности, создание крупного землевладения. Этот процесс начался в Риме очень рано, но особенно быстро развивался со времени начала гражданских войн. Из-за земельной собственности шла длительная, ожесточенная борьба в Риме, так как развитие крупного землевладения обратной своей стороной имело разорение мелкого хозяйства. К. Маркс подчеркивает, что внутренняя история Римской республики «явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством»¹¹. Аграрный вопрос занимал ведущее место в политической жизни римского общества, особенно периода поздней республики¹².

Р. Ю. Виппер тонко подмечает связь обострения аграрного вопроса и борьбы между крупным и мелким землевладением с концентрацией земельной собственности, усилением роли «капитала», введением интенсивного хозяйства, основанного на рабском труде¹³. «Но рядом с этой владельческой консолидацией шла другая, — указывает он. — В Италии началось объединение оппозиции; она составила не только из обиженных экспроприированных союзников, но к ней также примкнули обделенные землей римские граждане, плебейство, которому загородили выдачу наделов предоставлением больших пространств государственной земли в руки крупных пользователей, примкнули те, кого вытесняла с земли конкуренция городского капитала. Вместе с этим объединением

---

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 12, с. 434—435.

¹¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 22.

¹² Кузищин В. И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии (II в. до н. э. — I в. н. э.). М., Изд-во МГУ, 1976, с. 226.

¹³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 22—28.

недовольных и возник впервые в широком размере вопрос аграрный»¹⁴.

Сложившаяся оппозиция была протестом «теснимых империализмом классов римского и италийского общества, главным образом крестьянства... демократия римская интересна... в особенности постановкой аграрного вопроса»¹⁵.

Р. Ю. Виппер подчеркивает характерную черту римской демократии — ее крестьянское ядро, а отсюда и особую остроту и важность аграрного вопроса.

Начало наибольшего обострения аграрного вопроса в Римской республике, относимое Р. Ю. Виппером к середине II в. до н. э., вызвало формирование и выступление демократической оппозиции, которая с самого начала «стоит за демократию... все жгучие вопросы были поставлены зараз... и наделы, и колонии, и раздачи, и реформа финансов, и перемена провинциальной администрации, и крестьянский, и рабочий вопросы, и уравнивание союзников в правах с римлянами...»¹⁶.

Связав развитие аграрного вопроса с выступлением римской демократии, Виппер, однако, не сводит всю программу демократии только к вопросу о земле, поскольку социальная база римской демократии периода поздней республики была пестрой и противоречивой.

«У обоих Гракхов, открывающих собой период подъема демократии, в программе стояли и наделы, и колонии, и раздачи, и реформа финансов, и перемена провинциальной администрации, и крестьянский, и рабочий вопросы, и уравнивание союзников в правах с римлянами, и усиление самих римских народных собраний, т. е. установление народного верховенства»¹⁷. Аграрный вопрос, по Випперу, тесно связан с демократизацией всего общественного и политического строя. «В своем существе союзнический вопрос был тем же аграрным, — подчеркивает историк, — деревенское население в союзнических общинах было недовольно так же, как римские плебеи, своим малоземельем или безземельем и добивалось участия в правах римского гражданства для того, чтобы соединиться с плебеями на общей программе и требовать раздела земель из государственного фонда»¹⁸.

Подъем и активное выступление римской демократии Р. Ю. Виппер связывает с борьбой мелкого крестьянства. «Начиная с Тиберия Гракха ее (демократии — А. Д.) главной опорой были крестьянские элементы, которые притягивались трибунами на агитационные митинги, на большие голосования

¹⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 28—29.

¹⁵ Там же, с. IV.

¹⁶ Там же, с. 43.

¹⁷ Там же, с. 43.

¹⁸ Там же, с. 29.

и даже являлись для схваток на форум»¹⁹. После того, как земельные конфискации Суллы нанесли удар по крестьянскому населению Италии, социальная база римской демократии была значительно ослаблена, она сузилась, а сама демократия в Риме «никогда уже более не могла» возродиться в прежнем виде; она жила потом еще два или три десятилетия обрывками старых организаций, воспоминаниями и традициями своей великой эпохи»²⁰.

Первый «сильный натиск оппозиции на сенатское правительство» Р. Ю. Виппер связывает с выступлением братьев Гракхов²¹, «открывающих собой период подъема демократии»²².

Виппер Р. Ю. подчеркивает важность и значимость аграрного вопроса в программах борющихся сил в период кризиса и падения республики в Риме. Именно на аграрную сторону как центральную в деятельности братьев Гракхов указывают советские историки, занимающиеся исследованием как движения Гракхов, так и вообще истории поздней римской республики²³.

В то же время Р. Ю. Виппер не ограничивает трибунал Т. Гракха аграрной реформой, подчеркивая, что в это время были поставлены на очередь «все почти вопросы, волновавшие возникающую демократию», а именно: финансовый, провинциально-административный, сокращение срока службы, о праве апелляции к народу на суд сановников²⁴. «Как не важен сам по себе аграрный закон Тиберия Гракха, — замечает историк, — его необходимо представить себе именно в обстановке этих других реформ, проектов и начинаний римской демократии»²⁵.

¹⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 105.

²⁰ Там же.

²¹ Там же, с. 47.

²² Там же, с. 43.

²³ Сергеев В. С. Реформы братьев Гракхов. Горький, 1935, с. 3—4; Каховский В. Ф. Борьба за землю в период кризиса римской республики. (Аграрное движение Гракхов). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. М., 1951; Виноградов В. В. Некоторые вопросы римских аграрных отношений в современной итальянской историографии. — ВДИ, 1965, № 4, с. 198—203; Заборовский Я. Ю. Попытка разрешения аграрного кризиса конца 130 гг. до н. э. в республиканском Риме. (Аграрная реформа Т. Гракха). Дис. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Л., 1967; Жебелев С. А. Древний Рим. В 2-х частях. Ч. I. Петербург, 1922, с. 78; Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ. М.-Л., 1933, с. 207; Ковалев С. И. История Рима, с. 346; Машкин Н. А. История древнего Рима, с. 216; Утченко С. Л. Цицерон и его время, с. 79; Штасерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в римской республике, с. 7—8; Кузищин В. И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии, с. 45 и др.

²⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 47—48.

²⁵ Там же, с. 48.

Анализируя аграрные предложения старшего Гракха, Р. Ю. Виппер затрагивает аграрный закон Лициния-Секстия (367 г. до н. э.), который в античной традиции считался прообразом *lex Sempronia agraria*. Р. Ю. Виппер подвергает сомнению время существования закона *de modo agrorum*, считая сообщения античных авторов легендой, созданной в более позднее время в целях найти для деятельности Гракхов закономерные прецеденты. Однако критицизм Виппера Р. Ю. по отношению к этому историческому факту не односторонний, он не только объясняет происхождение легенды о законе Лициния-Секстия в античной историографии, но делает попытку выяснить те исторические условия, в которых мог бы возникнуть закон подобного содержания и назначения. Виппер Р. Ю. допускает существование такого закона для конца III в. до н. э., «когда впервые была допущена оккупация в значительных размерах»²⁶. К началу II в. до н. э. относится существование подобного закона другой видный историк, крупнейший исследователь античности Эдуард Мейер²⁷.

Следует отметить, что вопрос о времени, содержании, характере и авторстве закона, ограничивающего крупную оккупацию в догракханский период, длительное время дискутировался и продолжает оставаться объектом споров и до настоящего времени²⁸.

Р. Ю. Виппер допускает, что в ограничении размеров крупных имений на общественной земле (1000 юг) и больших стад, в определении размера крестьянских участков, которые предполагалось нарезать из отбираемых у богатых излишков, Тибериус Гракх мог исходить из традиции. Но не это было главным в его аграрных предложениях. «Новизна заключалась не в этом техническом содержании реформы 133 г., а в ее политическом принципе»²⁹. Дело в том, что старший Гракх «заявил притязание демократии на обе крупнейшие сферы государственного управления» (финансовую и аграрную)³⁰.

Аграрный закон Тибериуса Гракха, по мнению Р. Ю. Виппера, должен был распространяться не только на римских гражд-

²⁶ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 49—50.

²⁷ Мейер Э. Движение Гракхов. — В кн.: Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899, с. 155.

²⁸ Niese. *Das sogenannte Lic. — Sext. Ackergesetz.* — «Hermes», 1888, № 23, с. 410; Парфентьев Д. Н. К теории и истории аграрного закона Лициния-Секстия. — ДАН СССР. Сер. В. 1976, № 1, с. 4—10; Утченко С. Л. Закон Лициния-Секстия *de modo agrorum* и его значение для истории аграрных отношений раннего Рима. — Известия АН СССР. Сер. истории и философии», 1947, т. 4, № 2, с. 153—162; Нечай Ф. М. Образование римского государства. Минск, 1972, с. 172—188 и др.

²⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 50.

³⁰ Там же, с. 50—51.

дан, но и на италиков. «В проектах римской демократии, — писал он, — вся крестьянская Италия выступала как одно целое, без различия полноправного гражданства, латинов и союзников»³¹. Относительно порядка наделения землей по законам Гракхов Р. Ю. Виппер замечает, что они хотели «допустить к наделам прежде всего римских граждан; жаждущие надела союзники сначала еще должны были добиться политической реформы, получить право голоса»³². В дополненном и несколько измененном издании своих «Очерков» в 1923 г. автор еще раз подчеркивает, что аграрный закон Тиберия Гракха распространялся на италиков не сразу, а после уравнивания их в правах с римскими гражданами, принятия их в состав римского государства³³.

Очень интересно решает Р. Ю. Виппер вопрос о противниках аграрной реформы. К ним он относит не только небольшую группу нобилей, боявшихся ограничения их огромных владений из агег publicus, в основном сторонников экстенсивного скотоводства, но и многочисленную группу средних хозяев «катоновского типа», ведущих рациональное, интенсивное хозяйство, связанное с рынком, а также «всадников-капиталистов», дававших ссуды под залог земли и боявшихся потери долга, отдельных союзников, недовольных перемещением части земель, признанных аграрной комиссией спорными³⁴. Данный состав противников аграрной реформы Т. Гракха позволяет понять ожесточение той борьбы, которая разгорелась в Риме в 133 г. до н. э. и острота которой была бы непонятной, если считать противниками реформы Т. Гракха только верхушку нобилей, крупных землевладельцев. Между тем именно эта точка зрения долгое время была господствующей в историографии³⁵.

Выводы Р. Ю. Виппера о борющихся силах в период реформ Гракхов, а также его анализ развития римской экономики в середине II в. до н. э. созвучны новейшим достижениям советской историографии античности³⁶.

Дальнейшее развитие аграрной программы Тиберия Гракха Р. Ю. Виппер видит в предложении Фульвия Флакка 125 г.

³¹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 51.

³² Там же, с. 81.

³³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, 2-е изд., с. 56.

³⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 52—53.

³⁵ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ, с. 117; Ковалев С. И. История Рима, с. 350; Машкин Н. А. История древнего Рима, с. 218 и др.

³⁶ Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, с. 31—32; Кризис и падение римской республики, с. 130—132; Цицерон и его время, с. 83; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 12; Кузищин В. И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии, с. 62.

до н. э. о даровании гражданских прав союзникам: «По существу это была все та же цель — распространить на всех италийских крестьян действие аграрного закона... Но прежняя цель являлась теперь в рамках широкой политической реформы в виде преобразования избирательной системы и порядка голосования. Римская демократия ставила на первую очередь объединение демократических элементов всей Италии...»³⁷.

В программе Гая Гракха выдвигается более широкая аграрная реформа, но она «была поставлена иначе, чем при старшем брате. Со времени предложения Фульвия Флакка в 125 г. аграрный проект превратился в союзнический: сначала расширение политических прав, распространение их на массу италиков, затем наделы и устройство крестьян на казенной земле. В этом смысле Гай Гракх и возобновил предложение Флакка о даровании прав римского гражданства союзникам»³⁸.

Далее Р. Ю. Виппер отмечает, что «вопрос об уравнении союзников в политических правах, который был главным образом аграрным вопросом, едва ли задевал ремесленников, лавочников, перевозчиков, каменщиков и прочих мещан и рабочих Рима; скорее он затрагивал интересы совсем других групп гражданства, именно капиталистических слоев»³⁹. Здесь, кроме важности подчеркивания связи аграрного вопроса с союзническим и их своеобразия в программе младшего Гракха, нас интересует еще один момент в освещении Р. Ю. Виппера, а именно: противниками дарования политических прав италикам был не столько римский городской плебс, сколько «представители рациональной культуры» (владельцы имений «катоновского типа»), всадничество, «кредитовавшее» хозяев, которые видели за союзническим вопросом и аграрный, земельные переделы, перемещения, потерю вложенных средств. В постановке и решении этого вопроса Р. Ю. Виппер был оригинальнее многих видных западных историков-античников, видевших все зло в римском городском плебсе⁴⁰. Да и в советской историографии античности подобная упрощенная трактовка союзнического вопроса имела распространение⁴¹.

Именно вниманием Гая Гракха к этому правому крылу демократической оппозиции, «к капиталистическому крылу

---

³⁷ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 58.

³⁸ Там же, с. 62.

³⁹ Там же, с. 62—63.

⁴⁰ Моммзен Т. История Рима. В 5-и томах. Т. 2, с. 117; E. Meyer. *Kleine Schriften*. Halle, 1910, s. 381—441

⁴¹ Тюменев А. И. История античных рабовладельческих обществ, с. 207—208; Машкин Н. А. История древнего Рима, с. 225; Ковалев С. И. История Рима, с. 364 и ряд др.

партии» (сюда Р. Ю. Виппер включает не только всадников, но также значительную часть средних землевладельцев, ведущих интенсивное хозяйство, связанное с рынком) Р. Ю. Виппер объясняет изменение в постановке аграрного вопроса в программе Гая Гракха⁴². Если бы колониальная политика Г. Гракха была лишь дополнением к аграрным мероприятиям, проводившимся по программе Тиберия, было бы трудно объяснить, «как мог у него появиться конкурент на этой почве в лице трибуна Ливия Друза, выставленного правительством и предлагавшего широкую крестьянскую колонизацию в самой Италии»⁴³. Далее Р. Ю. Виппер заключает, что Гай отошел от аграрной программы Тиберия. Это дало возможность правительственной группировке «отвлечь от Гая Гракха группу крестьян, возобновляя перед ними программу старшего Гракха, отодвинутую временно младшим»⁴⁴.

Р. Ю. Виппер, рассматривая аграрную программу Ливия Друза Старшего, подчеркивает, что она имела целью отвлечь крестьян от Гая Гракха (еще одно косвенное доказательство, что именно они составляли важную опору демократии этого времени), но не считал ее чисто демагогической, имея в виду те уступки мелкому крестьянству, которые были предусмотрены программой Друза (12 колоний для бедных крестьян, наделение их землею в полную собственность, отмена всяких взносов), опасной для самих колонистов привилегией, так как это открывало бы широкое поле для их продажи и скупки, что было в интересах торговых и ростовщических группировок римского общества⁴⁵. «Нет нужды предполагать в программе Ливия Друза, представителя блестящей аристократической семьи, — пишет Р. Ю. Виппер, — лицемерие и желание обмануть на время крестьян, чтобы потом бросить их на произвол судьбы. Впоследствии сын Ливия Друза, известный деятель 90-го года, опять в качестве трибуна, развивает планы близкие к отцовским... фамилия крепко держится наследственных традиций в политике. Ввиду этого можно допустить, что и Ливий Друз Старший выступал с программой вполне искренней; его целью было создать класс крепких мелких собственников и хозяев, в которых известная часть римских политиков думала найти наилучший материал для пополнения войска»⁴⁶.

Давая оценку аграрным проектам и мероприятиям Гракхов, Р. Ю. Виппер отмечает переплетение в них старых тра-

⁴² Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 65—66.

⁴³ Там же, с. 66.

⁴⁴ Там же, с. 66.

⁴⁵ Там же, с. 66—67; Виппер Р. Ю. Коммунизм и культура. Древность. Рига, 1925, с. 102—103.

⁴⁶ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, 2-е изд. с. 71.

диций с новыми веяниями, видя следование традиции в ограничительных тенденциях, а новизну в практической обстановке реформы, в ее политическом принципе, а именно: в распоряжении государственной землей не от лица сената, а от лица народного собрания, тем самым провозглашая его верховной инстанцией в государстве⁴⁷. «В реформе первого вождя демократии, — пишет историк, — своеобразно сплеталось старое и новое, политические традиции и революционные порывы»⁴⁸. Переплетение старого и нового хорошо видно и в другом пункте аграрного закона Тиберия: во введении ограничения оккупации из *ager publicus* уже не в 500 юг, а в 1000 юг, причем земля в этих пределах становилась частной собственностью; наделы же мелких крестьян должны были быть неотчуждаемы⁴⁹.

Р. Ю. Виппер верно подчеркнул ясно наметившуюся в социально-экономических отношениях тенденцию «перевести имения в свою полную собственность»⁵⁰. Пункт об увеличении нормы оккупации из общественных владений и превращение земли в пределах этой нормы в частную собственность в аграрном законе Тиберия Гракха и колониальная программа Гая Гракха были реакцией вождей демократии на эту четко наметившуюся тенденцию. В то же время введение неотчуждаемости мелких крестьянских наделов было стремлением восстановить верховное право государства на земельную собственность — эту главную основу античной формы собственности⁵¹. Проведение этой части аграрного закона в жизнь означало бы временное восстановление и укрепление крестьянства, попытку реставрации социальной основы классического полиса, основой которого как раз и является античная форма собственности в ее специфической двойственной форме⁵². Другой же частью тот же аграрный закон нарушал это необходимое равновесие общегосударственной и частной форм собственности, укреплял последнюю, т. е. действовал в соответствии с явно наметившейся линией усиления частной собственности в противовес общегосударственной.

Подчеркивая реставрационную линию аграрного закона Т. Гракха, Р. Ю. Виппер отмечает: «В смысле общей хозяйственной политики государства гракховская реформа была скорее поворотом назад, к доимперским порядкам», — т. е. назад к мелкому хозяйству от рационального хозяйства като-

⁴⁷ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. 1-е изд., с. 50.

⁴⁸ Там же, с. 54.

⁴⁹ Там же, с. 55—56.

⁵⁰ Там же, с. 56.

⁵¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., изд. 2-е, т. 3, с. 21.

⁵² Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому способу производства. М., 1940, с. 13—15.

новского типа, которое становится ведущим с момента образования обширных владений Рима, с середины II в. до н. э., а также от усиливающегося процесса роста частной собственности на землю к попытке изъять из сферы ее господства мелкое крестьянское хозяйство⁵³. Именно эту реставрационную сторону в деятельности Гракхов подчеркивает Е. М. Штаерман: «Успех Гракха означил бы восстановление классической крестьянской демократии полиса»⁵⁴.

Подчеркивая эти две противоположные тенденции в аграрной программе Гракхов, Р. Ю. Виппер писал: «Оппозиция выступила в 134 г. против расхищения казенной земли нобиллями, против оккупаций, ссылаясь на то, что они мало доходны для государства и в то же время разрушительны для крестьянского хозяйства. Но в этом походе демократии случайно и чисто внешним образом соединились два разных направления: реставраторов крестьянства и сторонников капиталистического хозяйства. Вместо двух партий по этому вопросу оказалось три, и это обстоятельство открыло возможность новых политических комбинаций: угрожаемый в своем политическом и социальном положении крупный нобилитет воспользовался расколом в среде демократии и попытался привлечь на свою сторону крестьянские элементы ее. В свою очередь капиталистические слои оппозиции, римские всадники, заинтересованные прежде всего в сохранении своего нового политического и административного положения в империи, не расположенные и без того к крестьянским наделам, выпустили аграрный вопрос из своих рук и отдали эту позицию нобилитету. Они удовлетворились огромной продажей провинциального *agri publici*. Гракховская реставрация крестьянства была этим похоронена, и в аграрных отношениях фактически восторжествовал тот порядок, который стал складываться еще в первой половине II века»⁵⁵. Мы нашли необходимым привести здесь полностью это заключение Р. Ю. Виппера, чтобы нагляднее показать его оригинальное понимание развития аграрного вопроса в этот период. С. Л. Утченко в своих многочисленных работах по истории позднереспубликанского Рима подчеркивал, что «наибольший интерес представляют соображения Р. Ю. Виппера о социальном составе и характере «демократической оппозиции»⁵⁶.

---

⁵³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 63.

⁵⁴ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 12.

⁵⁵ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 67—68.

⁵⁶ Утченко С. Л. Идеино-политическая борьба в Риме накануне падения республики, с. 31—32; Кризис и падение римской республики, с. 130—132; Цицерон и его время, с. 83.

Кроме того, эта цитата из «Очерков» позволяет яснее увидеть общую оценку Р. Ю. Виппером аграрной программы Гракхов, в которой, по его мнению, были элементы как нового, что было обусловлено давлением правого крыла той оппозиции, на которую опирались Гракхи, так и старого, вызванного стремлениями и чаяниями крестьянства. Подобная программа объяснялась наличием двух партий по аграрному вопросу в среде самой демократической оппозиции: «реставраторов крестьянства» и «сторонников капиталистического хозяйства» (т. е. рационального, интенсивного хозяйства, связанного с рынком).

Антигракханское аграрное законодательство, по мнению Р. Ю. Виппера, особенно ударило по реставрационным стремлениям Гракхов, способствовало укреплению в аграрных отношениях той линии развития, которая наметилась к началу демократического движения 30—20 гг. II в. до н. э. Этот вывод историка находит подтверждение в новейших исследованиях по истории Рима⁵⁷.

Р. Ю. Виппер подробно не останавливается на причинах поражения демократического движения Гракхов. Для него это поражение вытекает из «разлада оппозиции», чрезвычайно пестрой по своему социальному составу; она «состоялась из противоречивых элементов» и уже «при первом натиске она оказалась плохо слаженной; с силой столкнулись в ней самые противоположные интересы»⁵⁸.

Римская демократия по сравнению с греческой была более слабой, более коротким был период ее активного выступления (134—84 гг. до н. э.). Эту слабость и краткость существования демократии в Риме Р. Ю. Виппер объясняет рядом причин: новизной римской демократии, отсутствием в римской традиции, римских старых нравах демократического начала, отсутствием организаций политического характера, подобно греческим гетериям, тем, что вожди демократии в большинстве своем принадлежали к высшему классу, т. е. к тем же слоям, против которых они возглавляли демократическое движение⁵⁹. В другом месте он выдвигает в дополнение ко всему этому еще ряд факторов поражения Гракхов в аграрном вопросе. «Дело не только в том, что класс крупных и средних собственников был хорошо сплочен и организован. Еще важнее может быть, — пишет историк, — то обстоятельство, что и крестьянство не чувствовало расположения к форме условного владения, которым собирались поделить пролетариат»

---

⁵⁷ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 7—8.

⁵⁸ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 54.

⁵⁹ Там же, с. 44—46.

реформаторы. Об этом приходится судить по успехам, достигнутым противником Гая Гракха трибуном Ливием Друзом»⁶⁰. Таким образом, Р. Ю. Виппер подчеркивает уже далеко зашедший процесс становления частной собственности на землю в противовес общегосударственной, закреплённой рядом законов, последовавших за смертью Гая Гракха⁶¹.

Особое место среди этих мероприятий Р. Ю. Виппер отводит закону 111 г. до н. э., в результате проведения которого «гракховская реставрация крестьянства была похоронена», частная собственность на землю окрепла, а рост крупного землевладения продолжался⁶².

В чем же видит Р. Ю. Виппер значение движения Гракхов? — В том, что они своим выступлением открыли период подъема и «натиска оппозиции на сенатское правительство»⁶³. Программа и деятельность Гракхов определили «всю дальнейшую программу римской демократии»⁶⁴. После поражения движения Гракхов сохранились все заветы правого крыла демократической оппозиции — всадничества⁶⁵. Что касается других важнейших вопросов программы Гракхов: союзнического и аграрного, — здесь положение было иное, «главная опасность — распространение прав гражданства на всю Италию — была отстранена», хотя полностью не была уничтожена⁶⁶. «В аграрном вопросе после смерти Гая Гракха одна неудача следовала за другой, крестьянские элементы были отодвинуты от политики и, по-видимому, лишь в 100 г. удалось Апулею Сатурнину снова организовать массы сельского населения»⁶⁷.

Неизбежность неудачи реставрационных попыток Гракхов, отстранение крестьянства от активной политической борьбы, перегруппировку сил в направлении усиления других социальных групп: армии и военных вождей, городского плебса, италийских имущих классов, — подчеркивают многие современные исследователи⁶⁸.

Но есть и еще одна сторона аграрных мероприятий Гракхов, а именно: их влияние на развитие аграрных отношений в римской республике в период ее кризиса и падения. Обыч-

⁶¹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 66—68.

⁶² Там же, с. 67—68.

⁶³ Там же, с. 67—68.

⁶⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. 2-е изд. с. VII.

⁶⁵ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. 1-е изд., с. 69.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Виппер Р. Ю. Коммунизм и культура, с. 102.

⁶⁸ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 73—74.

⁶⁸ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики, с. 264; Цицерон и его время, с. 87; Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 9—11; История древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузнецова, с. 172.

но в деятельности Гракхов подчеркивают политику ограничения крупного землевладения на общественной земле. Эта сторона их деятельности выделялась Р. Ю. Виппером⁶⁹. Новейшие исследователи аграрных отношений в римской республике не преувеличивают эту сторону аграрного законодательства Гракхов⁷⁰. Предельные нормы оккупации в 500 и 1000 юг не затрагивали крупного землевладения как такового; за счет покупки можно было создать любые земельные владения. Но запрет внушительных оккупаций на общественной земле направлял внимание крупных землевладельцев на организацию средних интенсивных хозяйств, на приобретение имений путем покупки на правах частной собственности, тем самым эти меры способствовали развитию товарно-денежных отношений в земледелии. Этому же способствовало перераспределение общественного фонда земли, создание мелких хозяйств в 30 юг, которые давали бы продукты не только для личного пропитания, но и для продажи. Попытка же Гракхов ввести неотчуждаемость крестьянских наделов не соответствовала потребностям товарного развития и вскоре была отменена.

После гракханских аграрных мероприятий создаются несколько иные условия для роста крупного землевладения: исчезает *ager publicus*, поэтому крупное состояние можно получить либо путем покупки, накопив предварительно большое движимое имущество, либо путем насильственной конфискации имений своих политических противников. Оба пути образования крупного землевладения рассматриваются Р. Ю. Виппером в особой главе его «Очерков» «Образование магнитуства», причем наиболее распространенным, реальным путем образования крупной собственности историк считает покупку, хотя в определенные моменты, в периоды гражданских войн, могла иметь место и насильственная экспроприация⁷¹.

Глубокий интерес Р. Ю. Виппера к демократическому движению Гракхов определялся как влиянием на историка общественно-политической борьбы в России в начале XX в., русской революции 1905—1907 гг., пославившей на повестку дня вопросы демократических преобразований политического и государственного строя, прогрессивного решения аграрного вопроса, так и философскими и общеисторическими взглядами историка, а именно: его близостью к экономическому материализму в этот период, некоторым влиянием марксизма.

Заслугой Р. Ю. Виппера в исследовании движения Гракхов является определение связи аграрного вопроса с демо-

⁶⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 49, 52 и др.

⁷⁰ Кузищин В. И. Генезис рабовладельческой латифундии в Италии, с. 45, 71—73 и др.

⁷¹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 139—140.

кратическим движением, рассмотрение этого вопроса в тесной связи с другими важнейшими проблемами римского общества.— союзнической и борьбой за демократизацию государственного и политического устройства Римской республики; выяснение состава «демократической оппозиции» и двух течений внутри нее: крестьянского и всаднического, — влияние пестрого состава оппозиции и борьбы течений внутри нее на постановку аграрного вопроса на различных этапах демократического движения в Риме в 30—20-е годы II в. до н. э., а также на поражение этого движения; определение значения аграрных мероприятий Гракхов для эволюции аграрных отношений в древнем Риме, оценка места и роли демократического движения братьев Гракхов в общем демократическом движении поздней Римской республики.

Однако следует заметить, что Р. Ю. Виппер в период разработки им проблем аграрной истории и демократического движения в Риме не стоял на позициях марксистской методологии истории в оценке античной формы собственности. Он нигде не подчеркивает рабовладельческого характера римской экономики, хотя говорит о рабах и правильно определяет эпоху расцвета рабства «от второй половины II в. до Р. Х. и до конца I в. после Р. Х.»⁷².

Характерна для него и модернизация, он весьма произвольно применяет для характеристики античной экономики термины «капитализм», «империализм», «земельный капитализм», «крупная буржуазия», «земельный коммунизм», «пролетариат», «политическая стачка» и т. д. Правда, модернизм Виппера Р. Ю. не шел до полного отождествления римской экономики с капиталистической, как это было характерно для его современников Э. Мейера⁷³ и М. И. Ростовцева⁷⁴, но он все же испытал на себе влияние циклизма, модернизма, гиперкритицизма, характерных явлений в буржуазной историографии античности периода империализма.

Но несмотря на эти недостатки Р. Ю. Виппер в трактовке конкретного исторического материала достиг заметных успехов, а в решении многих важнейших проблем античной истории стоял на более радикальных и прогрессивных позициях, чем отдельные видные буржуазные историки (Э. Мейер, М. И. Ростовцев, В. И. Герье и др.).

---

⁷² Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 142.

⁷³ Мейер Э. Экономическое развитие древнего мира. П., 3-е русск. изд., 1923, с. 107—108; Римский плебс. Начальная история. — В кн.: Очерки из экономической и социальной истории древнего мира и средних веков. СПб., 1899; Движение Гракхов. — В том же сборнике, с. 143—163.

⁷⁴ Ростовцев М. И. Капитализм и народное хозяйство в древнем мире. — «Русская мысль», 1900, кн. 3, с. 195—217.

**Р. Ю. ВИППЕР О ХАРАКТЕРЕ АГРАРНОГО ДВИЖЕНИЯ
В ПЕРИОД КРИЗИСА И ПАДЕНИЯ РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКИ**

В научной деятельности видного русского и советского историка Р. Ю. Виппера значительное место занимали вопросы античности, в особенности проблемы социально-экономических отношений, общественных движений в античных Греции и Риме¹.

В статье «Р. Ю. Виппер о месте и значении аграрного вопроса в демократическом движении Гракхов в 30—20-е гг. II в. до н. э.» нами было дано обоснование глубокого интереса и пристального внимания историка к проблемам демократического движения в древнем Риме в период кризиса и падения республики².

В данной статье мы попытаемся рассмотреть трактовку Р. Ю. Виппером аграрного вопроса в Римской республике в период ее упадка, выяснить влияние на историческую концепцию исследователя его философских взглядов, а также общественно-политической обстановки России в начале XX столетия, когда создавалась эта концепция.

Обострение аграрного вопроса Р. Ю. Виппер связывает с подъемом демократического движения в Римской республике, начавшегося в 30—20 гг. II в. до н. э., с движением под руководством братьев Гракхов. Давая оценку гракханскому движению, Р. Ю. Виппер видит его заслугу в постановке аграрного и союзнического вопросов, в начале патиса на всевластие сенаторского правительства, в борьбе за демократизацию политического строя Римской республики³.

Программа и деятельность Гракхов, по мнению Р. Ю. Виппера, определила «всю дальнейшую программу римской демократии»⁴.

Новый подъем демократического движения и новое обострение аграрного вопроса Р. Ю. Виппер связывает с выступлением Апулея Сатурнина, которому около 100 г. до н. э. удалось вновь организовать массы сельского населения⁵.

¹ Виппер Р. Ю. Учебник древней истории. М., 1900; Лекции по истории Греции. Ч. I. М., 1905; Очерки по истории Римской империи. М., 1908; История Греции в классическую эпоху. IX—IV вв. до Р. Х. М., 1916; История Греции в классическую эпоху IX—IV вв. до Р. Х. Ч. I. 2-е испр. изд. М., 1918 и др.

² См. с. 38—54 данного сборника.

³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 43, 47, 68—69.

⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Предисловие ко 2-му изд., Берлин, 1923, с. VII.

⁵ Там же, с. 73—74.

Считая выступление Апулея Сатурнина продолжением, новым этапом демократического движения вслед за Гракхами, Р. Ю. Виппер видит общие черты этих выступлений в их социальной базе. «Апулей Сатурнин, — пишет он, — сумел опять соединить элементы прежней оппозиционной коалиции, капиталистов и их свиту, с одной стороны, защитников аграрной реформы, — с другой» (т. е. всадничество, выдвинувшее Мариа, и крестьянские элементы Рима и Италии)⁶.

В центре внимания Сатурнина стоял также аграрный вопрос, наделение землей из общественного фонда крестьянства, создание тем самым более надежной опоры для демократии в ее дальнейшей борьбе. Проведение программы предполагалось также через народное собрание. Но условия выступления Апулея Сатурнина были иными, чем во время Гракхов. Это и привело к изменению тактики борьбы демократии и ее социальной базы.

Новым элементом в деятельности Сатурнина Р. Ю. Виппер считает опору на солдат Мариа, подчеркивая, что новый вождь демократии «искал» вместе с тем опоры в новой силе, выдвинувшейся в республике в солдатстве и его главном командире»⁷. «Новый общественный элемент» — армия — значительно отличался от прежней крестьянской армии наличием в ней неимущих элементов, для которых служба в армии стала профессией, источником жизни⁸.

Другое новшество заключалось в самой постановке аграрного вопроса. Аграрный вопрос стоял в 100 г. иначе, чем за 20 лет до того. В самой Италии неподделенной общественной земли уже не осталось, поэтому наделение было возможным только из провинциального *ager publicus* путем устройства колоний в Галлии, Сицилии, Ахайе, Македонии, на устройство которых требовались значительные средства⁹.

Иначе обстояло дело и с участниками наделения, «в первой очереди стояли Мариевы ветераны... Эти солдаты были собраны со всей Италии, далеко не принадлежали к одному гражданству и, может быть, даже союзники в их числе значительно преобладали. Таким образом союзники уже без всякого посредства предварительной политической реформы были привлечены к предстоящему великому аграрному устройению»¹⁰. Эта разница между римскими гражданами и италийскими союзниками стиралась уже потому, что наделение предполагалось из провинциального *ager publicus*, а на провинциальной почве они были равны.

⁶ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 80.

⁷ Там же, с. 80—81.

⁸ Там же, с. 80, 77.

⁹ Там же, с. 80.

¹⁰ Там же, с. 81.

Еще одним новым элементом в римской демократии при Апулее Сатурнии́е было изменение ее тактики. Содержание этого изменения Виппер видит в том, что если при Гракхах оппозиция стремилась создать как бы свое правительство, параллельно сенатскому, при Сатурнии́е же задача заключалась в захвате самых высших правительственных мест, консульства, преторства и на преобразование в более демократическом духе сената¹¹. Демократия делает попытку превратить сенат в исполнительный орган верховного народного собрания; плебисцит не должен более подлежать обсуждению в сенате¹².

Виппер Р. Ю. высоко оценивает этот политический шаг римской демократии: «В смысле развития народного верховенства этот шаг Сатурнина составлял, может быть, высшую точку, достигнутую римской демократией»¹³. В этот период демократия достигла более значительных политических результатов, чем в трибунство Гая Гракха¹⁴.

Но и на этот раз демократия потерпела жестокое поражение по аналогичным причинам, что и в момент выступления Гракхов. Демократическая оппозиция распалась, на одной стороне оказались крестьянские элементы Рима и всей Италии, а на другой — всадничество, принявшее сторону сенатского правительства¹⁵.

Распад демократической коалиции и на этот раз был вызван отходом всадников от крестьянских элементов, так как первые «вовсе не сочувствовали сатурниновой политике широкого распространения крестьянских элементов; может быть им грозила перспектива сокращения больших поставок на Рим, а также они могли опасаться ухода из Италии в колонии свободных рабочих рук. Их союз с Сатурниным и сторонниками аграрного переворота был чисто внешний, временно-политический. Теперь, когда на улицах Рима начиналась революция в интересах сельских классов, они покинули, как в 121 г., вождей демократии и соединились с правительством, со своими политическими и финансовыми врагами, нобиями»¹⁶.

Выводы Р. Ю. Виппера о распаде демократической оппозиции, об отходе городского плебса и всадников от сельского плебса как основной причине поражения движения Сатурни-

---

¹¹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 80.

¹² Там же, с. 80—82.

¹³ Там же, с. 82.

¹⁴ Там же, с. 82.

¹⁵ Там же, с. 83.

¹⁶ Там же, с. 82.

на глубоки и правильны и находят подтверждение в новейших исследованиях по античности¹⁷.

Весьма ценны замечания историка относительно преемственности в развитии демократического движения и его программы, а также эволюции ее (программы) в зависимости от новых исторических условий, от нового соотношения борющихся сил, от их перегруппировки. Подобные выводы исследователя стали возможны в результате такого важного фактора в историческом мировоззрении Р. Ю. Виппера, как понимание им важности экономических отношений в жизни общества, стремление объяснить все перипетии политической борьбы материальными интересами борющихся сил¹⁸.

Давая общую оценку движения Апулея Сатурнина, Р. Ю. Виппер подчеркивает, что при нем «крестьянская демократия гораздо более представлена италиками, чем римлянами, что она превращается в общеиталийский союз. Уже Сатурнин кажется скорее политическим вождем италиков, чем трибуном Рима и его гражданства»¹⁹. Расширяется социальная база демократии, что вызывает зарождение в ней новых тенденций.

Эти выводы историка созвучны достижениям современной науки. Видный советский античник Е. М. Штаерман отмечает: «Начавшиеся как борьба за реставрацию крестьянского полиса, эти конфликты переросли в борьбу между связанным с консервативными как в экономике, так и в политике крупными собственниками, сенатом и выражающими более передовые отношения кругами, стремившимися привести в соответствие с этими отношениями политическую надстройку»²⁰.

Другой исследователь истории Римской республики в период ее кризиса и падения С. Л. Утченко считает движение Сатурнина одним из этапов той аграрной революции, которая началась в эпоху Гракхов и в своем дальнейшем развитии захватила не только римское, но и италийское крестьянство. Это была борьба против крупного землевладения, борьба за землю и политические права. По существу это — та же самая борьба, которую вели некогда римские плебеи против патрициев, но теперь она повторилась в новой обстановке, на новой и расширенной основе, т. е. в общеиталийском масштабе²¹.

¹⁷ История древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокшанна и В. И. Кузичина, М., 1971, с. 183.

¹⁸ Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время, М., Изд-во МГУ, 1976, с. 51 и др.

¹⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 83.

²⁰ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, с. 12.

²¹ Утченко С. Л. Цицерон и его время. М., 1973, с. 88—89.

Эту борьбу Утченко С. Л. определяет как «революцию против Рима — полиса, против ее аристократии (староримской), против крупного землевладения или, иными словами, борьбу италийского крестьянства за землю и политические права»²².

Эти сравнения позволяют увидеть и оценить значение вклада русского историка в исследование аграрного вопроса в Риме в период поздней республики.

Новую и последнюю попытку италиков мирным путем добиться разрешения вопроса о политических правах, а следовательно, о земле Р. Ю. Виппер видит в выступлении Ливия Друза Младшего, содержанием программы которого был компромисс между всеми классами римского и италийского общества, между всеми разрядами правящего слоя и оппозиции²³. В программу Друза входило обновление сената путем включения всадников, передача судов по вымогательству в руки обновленного сената, снабжение Рима дешевым хлебом, возобновление аграрных предложений Гракхов и Сатурнина путем выведения нескольких колоний, наделения малоземельных и безземельных из территориального фонда государства или на средства казны. При этом Р. Ю. Виппер считает аграрный закон главным требованием, выставленным в интересах союзников, находит в аграрном предложении сущность проекта дарования гражданских прав союзникам, выводя это из реальной, материальной выгоды, которую получили бы италики, завоевав политические права²⁴.

Аграрные требования Р. Ю. Виппер считает основным содержанием программы восставших в Союзнической войне: «У общеримской партии Ливия Друза, у восставших в 90 г. на первом месте было требование земли, наделов, прирезки, а право римского гражданства, которого они добивались, было лишь необходимым средством для этой основной цели; оно должно было послужить политическим мостком к осуществлению аграрной реформы»²⁵.

Каковы те силы, которые поддержали Друза, и те, что выступили против предложений и требований италиков в союзнической войне? «На одной стороне крестьянская Италия, — указывает Р. Ю. Виппер, — гораздо сильнее представленная союзными общинами, чем римлянами, и готовая с нею сблизиться группа нобилей, склонных к реформе. На другой — главным образом римские капиталисты и их городская клиентел-

---

²² Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965, с. 29; Древний Рим. События. Люди. Идеи. М., 1969, с. 26—27.

²³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 85.

²⁴ Там же, с. 85.

²⁵ Там же, с. 87.

ла; с ними другая, консервативная часть римского нобилитета²⁶.

Прогрессивная часть нобилей соглашалась на уступки лишь бы ослабить столичный плебс, обезопасить себя от его грозной политической силы. Но ни один пункт программы не удовлетворял всадников, в особенности аграрный. Восстановление крестьянства в Италии грозило переменной финансовой системы, в частности, вытеснением всадников от аренды и эксплуатации казенной земли, кроме того, они могли бы потерять политическое могущество, приобретенное со времени реформ Гая Гракха²⁷.

Крайнее обострение противоречий между двумя группировками, внутренний разлад в рядах самой демократии определяли поражение Ливия Друза Младшего, а вместе с его смертью начинается восстание италиков, Союзническая война (90—88 гг. до н. э.)²⁸.

Причины войны Р. Ю. Виппер видит в давнишнем протесте против последствий империалистической политики; старая Италия как бы инстинктивно пыталась отстоять свой старый быт и строй. Но империя с ее легкодоступными доходами, с ее соблазном службы была неустрашимым фактом. «И первоначальный протест осложнялся, затуманивался: союзники хотели вместе с тем принять участие в дележе, занять равное с римлянами место в эксплуатации имперских богатств»²⁹.

Давая общую оценку сущности Союзнической войны, автор «Очерков истории Римской империи» называет ее «великим восстанием Италии», «крестьянской революцией», носящей социальный характер, борьбой римских и итальянских крестьян против крупного землевладения³⁰. Подобная оценка дается Союзнической войне С. Л. Утченко: «Есть все основания рассматривать ее как кульминационный пункт той аграрной революции, которая началась в эпоху Гракхов и в своем дальнейшем развитии захватила не только римское, но и итальянское крестьянство»³¹. Именно восстание италиков С. Л. Утченко считает высшей точкой революции против Рима — полиса³².

Говоря об итогах Союзнической войны, Р. Ю. Виппер отмечает, что в военном отношении она потерпела неудачу,

---

²⁶ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 87—88.

²⁷ Там же, с. 89.

²⁸ Там же, с. 91.

²⁹ Там же, с. 91.

³⁰ Там же, с. 86—95.

³¹ Утченко С. Л. Цицерон и его время, с. 88.

³² Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики, с. 29;

Древний Рим. События. Люди, Идеи, с. 26—27.

но в политическом—италики одержали победу, так как с этого времени право римского гражданства распространилось на всю Италию³³. Тем самым привилегированное положение Рима—полиса было нарушено. «В этом смысле дело революции принципиально было завершено Союзнической войной.»—заключает в своих исследованиях этого вопроса С. Л. Утченко³⁴.

Проницательны выводы Р. Ю. Виппер о последующей борьбе демократической и консервативной фракции в период с 88 по 82 г. до н. э., в которую переросла борьба 90—88 гг. Эта борьба была особенно опасной для сил демократии, так как истребила наиболее независимые элементы Италии, ослабив тем самым социальную опору демократии, что и обусловило победу Суллы над разрозненными элементами ранее мощной демократической оппозиции³⁵.

Принципиальное значение имеет замечание Р. Ю. Виппера относительно связи разгрома демократии с последствиями сулланского разорения Италии. «Конец независимой, мелковладельческой Италии был вместе с тем и концом демократии в Риме. Начиная с Тиберия Гракха ее главной опорой были крестьянские элементы... На городскую массу нельзя было в такой мере положиться...»³⁶. Р. Ю. Виппер замечает, что демократическая партия после разгрома Суллой Италии никогда уже более не могла возродиться в прежнем виде; она жила потом еще два или три десятилетия обрывками старых организаций, воспоминаниями и традициями своей великой эпохи³⁷.

С падением римской демократии сужается и основное ее требование—аграрный вопрос, хотя и в последующей внутриполитической борьбе он занимает ведущее место. Но меняется сам характер аграрного вопроса: если ранее он использовался для восстановления крестьянства, в целях демократизации существующих общественных и политических отношений, то уже Суллой аграрный вопрос ставится в интересах реакции.

Аграрное законодательство Суллы 82 г. до н. э. вводило на землях, отнятых у италийских общин, а также на оставшейся государственной земле наделы ветеранов, офицеров и солдат сулланской армии³⁸. Земельные конфискации в пользу ветеранов привели к пауперизации не один десяток тысяч крестьян в Италии. Таким образом, Р. Ю. Виппер подчерки-

³³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 95.

³⁴ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики, с. 30.

³⁵ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 95.

³⁶ Там же, с. 105.

³⁷ Там же, с. 105.

³⁸ Там же, с. 106.

вает новый характер аграрного вопроса, использования его в интересах реакции. Это изменение характера аграрного вопроса при Сулле подчеркивается в новейшей литературе по Риму³⁹.

Последнюю крупную попытку организовать и выступить как активная политическая сила Р. Ю. Виппер связывает с движением за аграрный проект Сервилия Рулла и движением Катилины: «В 60-х годах разыгрывается последняя драма римской демократии. Она ставит в последний раз крупные задачи; опять между ее фракциями происходит взаимное столкновение, вследствие которого она распадается на свои составные части и сходит со сцены»⁴⁰.

Историк выделяет три течения демократической оппозиции, которые появляются около 70 г. до н. э. и окончательно складываются в 60-е годы I в. до н. э. Это следующие течения: 1) враждебное империализму, пытающееся возродить демократические силы Италии путем внутренней реформы, в первую очередь аграрной. Оно опиралось; вероятно, на остатки старых независимых элементов италийского населения, на разрозненные группы крестьян бывших союзнических общин⁴¹; 2) заинтересованное в широких колониальных предприятиях, к этому течению принадлежали главным образом всадники и их клиентелла, оно вошло в союз с Помпеем, добилось отмены сулланской конституции; 3) наиболее пестрое течение, куда входили и разорившиеся сулланцы, и городские низы, и сельский плебс. «Немалый талант нужен был, чтобы сплотить эти разрозненные элементы, и такой талант нашелся именно у знаменитого составителя «заговоров Катилины»⁴².

В 60-е годы I в. до н. э. выступили все указанные выше течения оппозиции. При этом первой выступила группа, представляющая интересы крестьянства, которая попыталась за счет роста новых имперских богатств восстановить прежнюю крестьянскую Италию. Характеризуя законопроект Сервилия Рулла, Р. Ю. Виппер пишет: «Такова была тенденция аграрного законопроекта, который можно считать крупнейшим произведением демократии за всю эпоху ее существования»⁴³.

В противовес отрицательной античной традиции о законопроекте и его авторе историк дает им высокую оценку, кото-

---

³⁹ История древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузишнина, с. 190; Утченко С. Л. Кризис и падение Римской империи, с. 182; Древний Рим. События. Люди. Идеи., с. 43, 49—50.

⁴⁰ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 188.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же, с. 189.

⁴³ Там же, с. 190.

рая выгодно отличается и от данных буржуазной историографии конца XIX — начала XX в⁴⁴.

Аграрный проект Рулла Р. Ю. Виппер оценивает как «крупнейшее произведение демократии за всю эпоху ее существования», отмечает «богатство и оригинальность замысла», считает его «замечательным документом социально-политической мысли римской демократии»⁴⁵.

«Основная цель нового закона, — пишет историк, — заключается... в обширном наделении землею, в создании нового крестьянства»⁴⁶. Содержание закона сводилось к следующему:

- 1) предполагалось наделение землею путем вывода колоний;
- 2) земельный фонд для наделов составлялся из остатков «общественного поля» в Италии (Кампанский и Стеллатский *ager publicus*) и из закупаемых территорий;
- 3) средства для покупки земли составлялись из добычи в ценностях и деньгах, полученных за последние 20 лет в восточных походах, от продажи в провинциях, приобретенных Римом, земли, лесов, ловли, стрбений и т. д., сюда же поступали оброки, пошлины и арендные сборы с подчиненных земель и общин;
- 4) для выполнения этой сложной финансовой операции предполагалось создать особый орган с чрезвычайными полномочиями, комиссию децемвиров (десяти) с преторской властью, выбираемую половиной триб⁴⁷. Предполагалось как бы сосредоточение управления государственных имуществ в особом ведомстве с выделением его от финансового контроля сената⁴⁸.

Внесенный в народное собрание аграрный законопроект был снят автором после трех аграрных речей Цицерона, направленных против него. Цицерон доказывал нереальность законопроекта. Но тот факт, что противники проекта выставили своего лучшего оратора, которому пришлось тщательно поработать над опровержением широкого и сложного проекта,

---

⁴⁴ E. T. Sage. Cicero and the agrarian proposals of 63 b. c. — «Classical Journal», vol. XVI. № 4, Chicago, 1921. E. Meyer. *Caesar Monarchi und das Prinzipat* des Pompeius. Stuttgart — Berlin, 1922; Комаровский А. Очерки Рима в финансовом и экономическом отношении. М., 1896, с. 100—103; Дыдынский Ф. М. Аграрный вопрос в древнем Риме. — «Варшавские университетские известия», 1894, № 9, с. 38—39; Сальвиоли Г. Капитализм в античном мире. Харьков, 1922, с. 45—46.

⁴⁵ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 190—193.

⁴⁶ Там же, с. 190.

⁴⁷ Там же, с. 190—192.

⁴⁸ Там же, с. 192.

обещавшего реформу чуть ли не всех финансовых, административных и земельных отношений в империи, говорит о том, что закон был серьезным и хорошо продуманным⁴⁹.

Р. Ю. Вилпер справедливо замечает, что аграрные предложения Сервилия Рулла носят характер возрождения аграрного вопроса, поднятого Гракхами, продолженного Сатурнином и Друзом и отстраненного реакцией, но вместе с тем на них лежит печать нового «империалистического» расширения 60-х годов⁵⁰.

Законопроект 64 г. до н. э. объединяет с предложениями Гракхов в аграрной области принцип возрождения крестьянства путем колоний и наделения землей из государственного фонда, а также создание для целей реформы полномочной комиссии. Р. Ю. Вилпер выделяет не только сходство, но и различия аграрных проектов Рулла и Гракхов, выделяет новые черты в законопроекте 64 г. до н. э., связывая их с теми изменениями, которые произошли в экономических отношениях Рима в I в. до н. э.: полное исчезновение общественной земли, превращение всех оккупаций в частные владения. «Следовательно, старый способ ограничения земельных захватов, производившихся крупными хозяевами, и нарезки наделов из излишков был закрыт. При желании идти закономерным путем, не прибегая к революционной экспроприации, демократам оставалось только предложить покупку земли на общественный счет. Сервилий Рулл самым определенным образом объявил этот новый принцип приобретения земли для наделов; но он также впервые сформулировал задачу использования для аграрной цели новых имперских доходов»⁵¹. Р. Ю. Вилпер подчеркивает, что суть проекта Рулла состоит в новом широком применении колониальной добычи⁵².

Эту тенденцию продолжают последующие аграрные проекты (*lex Flavia agraria*, *lex Plotia*, *lex Gulia*), которые, по выражению Р. Ю. Вилпера являются более или менее ослабленными копиями *lex Servilia agraria*⁵³.

Поскольку наделение по проекту С. Рулла предполагалось только в Италии, закупку земли рассчитывали провести тоже в этой области на основе добровольного соглашения. Особым параграфом закон признавал права сулланских поселенцев, однако желающие могли продать свои участки; покупка их участков являлась особенно подходящей, может быть, именно для водворения прежних экспроприированных

---

⁴⁹ Вилпер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 190.

⁵⁰ Там же, с. 190.

⁵¹ Там же, с. 190—191.

⁵² Там же, с. 191.

⁵³ Там же, с. 190.

владельцев⁵⁴. Так, демократический трибун выходил из затруднительного положения, в которое он был поставлен теми обстоятельствами, что главной его заботой должны были быть согнанные Суллой владельцы, но затрагивать сулланских поселенцев было небезопасно, так как они составляли значительную силу.

Анализируя причины поражения демократии в 64 г. до н. э., Р. Ю. Виппер отмечает, что в первую очередь против аграрного законопроекта ополчились всадники, они-то и выставили Цицерона защищать свои права, так как «закон Рулла наносил решительный удар всему управлению римских откупщиков, а вместе с тем и авторитету того императора (Помпея — А. Д.), которого они поддерживали на востоке. В самом деле, главные статьи государственной аренды будут изъяты от сдачи на откуп и посредством продажи капитализированы...»⁵⁵. Всадникам во главе с Цицероном удалось отвлечь от трибуна и его проекта городской плебс, значительно представленный в народном собрании, для которого аграрный проект был безразличен. Наиболее заинтересованы в аграрном проекте были крестьянские элементы, но именно они были недостаточно представлены в народном собрании⁵⁶.

Таким образом, всадничество и его городская клиентелла провалили попытку аграрной демократии «взять свою долю из торжествующей политики империализма, которой они вынужденно помогали», союз крестьянской демократии с всадничеством был тем самым расстроен⁵⁷. После провала проекта С. Рулла часть демократов разуверилась в возможности достижения аграрной программы, отступилась от политической борьбы, другая решила на союз с «воинственной» группой нобилей, недовольных сулланцев, эмигрантов⁵⁸.

С провалом законопроекта С. Рулла в 64 г. до н. э. Р. Ю. Виппер связывает движение Катилины. В противовес отрицательной античной традиции о Катилине и его «заговорах» историк отмечает: «Цицерон не хочет или не может признать, что на него самого и на его партию в значительной мере падает ответственность за внезапный рост движения: не они ли своим сопротивлением аграрному закону Рулла откинули многих мирных демократов в революцию»⁵⁹.

Р. Ю. Виппер видит неизбежность союза крестьянской демократии с катилинариями в том, что Сервилий Рулл был представителем мирной группы среди оппозиции; но одними

⁵⁴ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 193.

⁵⁵ Там же, с. 193—194.

⁵⁶ Там же, с. 196—197.

⁵⁷ Там же, с. 197.

⁵⁸ Там же, с. 200—201.

⁵⁹ Там же, с. 195.

своими средствами эта группа не могла добиться цели и заставить служить Империю Италии, поэтому с неизбежностью она должна была или сблизиться с революционерами, или уступить им место⁶⁰. Дальнейший ход событий и привел к тому, что объединились две группы демократической оппозиции: крестьянская и группа, возглавляемая Катилиной. Виппер подчеркивал, что союз Катилины и Лентула с демократами мог основываться на том, что первые, партия политического действия, принимали на себя, в случае достижения власти, задачу провести аграрную, финансовую и административную программу 64 г. Демократическая партия должна была поддерживать их на выборах, в свою очередь, катилинарии обещали доставить в город свои легионы⁶¹.

Р. Ю. Виппер считает, что, когда С. Рулл брал назад свой проект, он действовал так отнюдь не потому, что был побежден красноречием Цицерона, а просто откладывал голосование до более удобного момента, до лучшего соотношения сил, надеясь провести свой аграрный закон, когда Катилина станет консулом.

Отсюда в новом свете предстает и движение Катилины, которое Р. Ю. Виппер не склонен считать заговором: «Как мало вообще для предприятия катилинариев подходит традиционное обозначение заговора»⁶². Он характеризует движение Катилины как «большое политическое движение, непосредственно следовавшее за крупнейшим аграрным проектом всей римской истории. Оба они образуют два последних выступления независимых элементов римской демократии, как нам кажется, тесно между собою связанные и по содержанию, и по исходу»⁶³.

Эти выводы Р. Ю. Виппера замечательны тем, что они противоположны очень широко распространенному в историографии взгляду на это движение, как на анархическое выступление деклассированных элементов, имеющее целью расстройство всей общественной жизни, грабежи, убийства⁶⁴. Опорой этого взгляда была античная традиция в лице Цицерона⁶⁵ и Саллюстия⁶⁶, данные которых неполны, односторонни, тенденциозны. Следует заметить, что в марксистской ис-

⁶⁰ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 204.

⁶¹ Там же, с. 204.

⁶² Там же, с. 201.

⁶³ Там же, с. 207.

⁶⁴ Моммзен Т. История Рима, т. III, М., 1941, с. 141—158; Meyer E. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*. Stuttgart-Berlin, 1922, s. 11—37.

⁶⁵ Цицерон. Вторая речь против Катилины, I, I—Марк Тулий Цицерон. Речи. В 2-х т. Т. I. М., 1962, с. 302.

⁶⁶ Саллюстий Крисп. Заговор Катилины, XIV, XV, XVI—В кн.: «Историки Рима». М., 1970.

ториографии нет еще единой точки зрения на характер и цели движения Катилины⁶⁷.

Много внимания движению Катилины посвятил С. Л. Утченко, который вслед за Р. Ю. Виппером социальную базу движения и его программу определяет как демократические, но само движение считает проявлением разложения, упадка римской демократии⁶⁸.

Это последнее крупное выступление римской демократии, по мнению Р. Ю. Виппера, потерпело поражение в силу недостаточной организованности сельского населения Италии, которое не играло уже политической роли, городской же плебс окончательно разошелся в интересах с сельскими массами. «Итак, демократия гибнет от того, что италийское население мало, недостаточно или вовсе не представлено в народном собрании. Ясно также, что гибель демократии в данном случае означала и скорую гибель республики», — заключает Р. Ю. Виппер⁶⁹. Затем он делает вывод, что неудача демократии и последующая за нею реакция в конце 60 годов и составляют, вместе взятые, катастрофу республики⁷⁰. В последующем демократия уже «неспособна на большие законодательные решения, ее разрозненные остатки годились лишь для того, чтобы в руках отдельных *principes*, в роде Цезаря, служить орудием беспорядков в столице и бойкота сенатского правительства»⁷¹.

Дальнейшая судьба аграрного вопроса в Риме связывается Р. Ю. Виппером с аграрными проектами трибунов Флавия и Плотия (60 г. до н. э.) и Гая Юлия Цезаря (59 г. до н. э.). Он считает эти проекты «более или менее ослабленными копиями» «оригинального» проекта 64 г. до н. э. «Все они — пишет Р. Ю. Виппер об этих аграрных проектах, — основаны на одинаковых принципах: покупка земли для наделов и широкое применение средств, доставляемых завоевателями и колониальными владениями»⁷². Но используются эти законы уже в интересах отдельных претендентов на единоличное диктаторство в Риме.

Относительно аграрных законопроектов Флавия и Плотия Виппер Р. Ю. замечает, что они имели целью наделение зем-

⁶⁷ Ковалев С. И. История Рима. Л., 1948, с. 440; Машкин Н. А. История древнего Рима. М., 1956, с. 287; Мишулин А. В. История древнего Рима. Под ред. А. Г. Бокшанина и В. И. Кузищина, с. 224—226; Лившиц Г. М. Социально-политическая борьба в Риме 60 гг. I в. до н. э. Заговор Катилины. Минск, 1960, с. 60—61.

⁶⁸ Утченко С. Л. Древний Рим. События. Люди. Идеи, с. 86, 88—89. Цицерон и его время, с. 169—171; Юлий Цезарь. М., 1976, с. 67—69.

⁶⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 207.

⁷⁰ Там же, с. 209.

⁷¹ Там же, с. 212.

⁷² Там же, с. 190.

лей ветеранов Помпея, но не достигли успеха⁷³. Поэтому аграрный вопрос должен был стоять при заключении первого триумvirата. Р. Ю. Виппер предполагал, что Цезарь обещал провести наделы для азиатских ветеранов Помпея⁷⁴. Поэтому в свое консульство (59 г. до н. э.) Цезарь выступил с аграрным законопроектом. Фонд для наделения составлялся из остатков аер publicus в Италии (Кампанское поле предполагалось разделить на 20 000 наделов) и закупаемой частновладельческой земли. Средства для покупки выделялись из тех богатств, которые были получены в результате недавней восточной войны. Единственным новшеством в аграрном проекте Цезаря было то, что при наделении землей преимуществом пользовались отцы трех детей.

Существенное отличие проекта 64 г. от 59 г. до н. э. Р. Ю. Виппер видит в «специальном назначении» последнего: «Демократия 60-х годов предполагала широкое наделение в Италии и провинциях собственно крестьянских элементов; сулланские ветераны имелись в виду не в качестве колонистов, а в качестве продавцов земли. Помпеевых солдат тогда совсем не хотели принимать во внимание, напротив, наделы должны были носить антипомпеянский характер. Демократический проект (С. Рулла — А. Д.) направлен был к осуществлению полной противоположности той военно-ленной системе, которая начинается с Суллы. Наоборот, проект Цезаря был возвращением к военным наделам: первое место в числе колонистов хотели представить бывшим солдатам азиатской войны⁷⁵. Отличие это историк видит в ветеранских наделах, в создании в лице этих колонистов опоры режима диктатуры сначала немногих, затем одного. Он еще раз подчеркивает, что консульство Цезаря нельзя считать за какой-либо успех демократии, хотя бы даже кратковременный, так как представитель династической политики лишь пользуется готовой демократической программой и проводит при ее помощи военные наделы в интересах своего ближайшего союзника, поэтому после консульства Цезаря демократия не поднялась выше уровня, на который свел ее разгром 63 г.⁷⁶ Цезарь и другие триумвиры использовали аграрный закон в своих династических целях.

В последующем изложении истории гражданских войн в Риме при Цезаре и после его смерти вплоть до установления принципата Августа Р. Ю. Виппер мельком касается аграрного вопроса, который теперь был связан не с демократией, а с борьбой претендентов на диктаторство в Риме. Именно в

⁷³ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 227—228.

⁷⁴ Там же, с. 228.

⁷⁵ Там же, с. 229.

⁷⁶ Там же, с. 229.

этих целях использует аграрный вопрос Цезарь в 46 г. до н. э. и вторые триумвиры в 41 г. до н. э. По существу эти аграрные мероприятия шли тем же путем, что и при Сулле — наделение землею ветеранов, создание колоний ветеранов, насильственные конфискации земель у частных владельцев⁷⁷.

В развитии аграрного вопроса в период кризиса и падения римской республики Р. Ю. Виппер прослеживает две линии: демократическую (аграрные законопроекты Гракхов, Сатурнина, Ливия Друза Младшего, Сервилия Рулла) и аристократическую (антигракханские аграрные законы, Ливия Друза Старшего, Суллы, рогации трибунов Флавия и Плотия, Цезаря и триумвиров). Подобное деление он основывает на принципе — в чьих интересах проводились законы, кому они служили, какую цель преследовали. Если первая группа законов проводилась в интересах крестьянства, его восстановления, сохранения, в целях создания опоры для демократии, то вторая группа законов, проводившихся в интересах реакции, олигархии носит иной характер. Это принципиальное различие в аграрном вопросе, как и во всей программе демократии и монархических претендентов, очень верно подмечено Р. Ю. Виппером.

В то же время он подчеркивает наличие общих требований в программах демократии и монархических претендентов, но не спешит объяснить это сходство тем, что последние являлись преемниками и продолжателями дела и программы первых. В его трактовке монархия вырастает не из демократии, как утверждали многие видные историки-античники до него и в его время⁷⁸. По мнению Р. Ю. Виппера, «принципат одного вырос из принципата немногих»⁷⁹; монархия происходит «не из передовой демократии, а из реакционной политики римских олигархов»⁸⁰. Именно высокая оценка демократии, теория происхождения монархии из олигархии была высоко оценена как рецензентами Р. Ю. Виппера, так и в советской историографии античности⁸¹.

⁷⁷ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 305, 328—331; Коммунизм и культура. Древность. Рига, 1925. с. 103—104.

⁷⁸ Моммзен Т. История Рима, т. 3, с. 379—474; Ростовцев М. И. Лекции по истории Рима. В 2-х ч. Ч. II. 2-е испр. изд. СПб., 1911 с. 114—171; Рождение римской империи. II., 1918, с. 72, 144—145.

⁷⁹ Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 168.

⁸⁰ Там же, с. 210.

⁸¹ Бузескул В. П. Рецензия на книгу Р. Виппера. Лекции по истории Греции, ч. 1. М., 1905 — «Журнал Министерства Народного просвещения», 1905, № 10, с. 430; Путнынь Э. К. Изучение истории Древней Греции — «Очерки истории исторической науки в СССР.» т. 3. М., 1963, с. 387—388; Машкин П. А. Изучение истории Древнего Рима — Там же, с. 402—403; Утченко С. Л. Изучение истории Древнего мира. Античность. Там же, т. 4. М., 1966, с. 578; Машкин Н. А. История древнего Рима, с. 55; История древнего Рима под ред. А. Г. Бакцианина

Общие черты в программах демократии и претендентов на монархическое диктаторство в Риме Р. Ю. Виппер объясняет заимствованием последними важнейших пунктов программы первых, в особенности аграрного вопроса. Историк подчеркивает изменение характера гражданских войн в Риме, причем изменение происходит постепенно⁸².

Глубокое обоснование и дальнейшее развитие получил этот вывод в трудах советских историков С. Л. Утченко⁸³, Е. М. Штаерман⁸⁴ и др. Они четко разделяют борьбу демократии и гражданские войны, ведущиеся между группировками и фракциями господствующего класса в целях захвата и приспособления для своих чисто фракционных интересов завоеваний предшествующей борьбы.

Р. Ю. Виппер в своем научном творчестве конца XIX в. и первого десятилетия XX в. выступает как историк «состояний», как социальный историк, тяготеющий к социально-экономической проблематике. В своих исследованиях этого периода он в первую очередь выясняет социальные и экономические условия развития античного мира вообще и его отдельных периодов в частности⁸⁵, что и определило то значительное внимание, которое уделялось автором экономическим условиям развития античного Рима и, в первую очередь, аграрным отношениям, а также социальным движениям и, в особенности, движению передовых сил, борьбе демократии против реакции, олигархии.

Для Р. Ю. Виппера характерна высокая оценка как самой демократии, так и ее вождей: Гракхов, Апулея Сатурнина, Ливия Друза Младшего, Сервилия Рулла и др. Историк выступает против резко отрицательной оценки движения Катилины и его личности.

Значительное внимание историка к аграрному вопросу, демократическому движению, перипетиям борьбы демократии и реакции, росту монархических тенденций и выяснению их экономических и социальных основ объясняется также влиянием на историка общественно-политической жизни России в начале XX в., ростом демократического и революционного движения, особенно влиянием революции 1905—1907 гг.,

---

и В. И. Кузищина, с. 467; Сафронов Б. Г. Историческое мировоззрение Р. Ю. Виппера и его время, с. 27—28.

⁸² Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 46—47, 105. Коммунизм и культура. Древность, с. 104—106.

⁸³ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики, с. 30; Древний Рим. События. Люди. Идеи, с. 28; Цицерон и его время, с. 111; Юлий Цезарь, с. 341—342.

⁸⁴ Штаерман Е. М. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике, с. 12, 256.

⁸⁵ Виппер Р. Ю. Лекции по истории Греции. Ч. I, с. 1; Виппер Р. Ю. Очерки истории Римской империи, с. 1.

поставившей на повестку дня борьбу с самодержавием и остатками крепостничества, за демократию и решение в демократическом духе аграрного вопроса.

Демократические симпатии автора видны как в высокой оценке римской демократии, так и ее вождей. Отдельные места в работах этого периода выделяются резкой критикой монархии и реакции в Древнем Риме, являются как бы отзвуком недавно кипевшей борьбы в самом русском обществе.

В то же время для Р. Ю. Виппера, как и для всей русской буржуазной либеральной историографии, характерны кризисные тенденции, проявившиеся в некотором увлечении гиперкритицизмом, модернизмом, циклизмом. Хотя историк и выступал в ряде работ против крайностей этих новейших направлений в историографии античности, но сам он полностью не стоял на позициях философии марксизма, что привело к некоторым недостаткам в его работах по истории античности (специально Р. Ю. Виппер нигде не подчеркивает рабовладельческого характера римской экономики, не отводит должного места классовой борьбе рабов в падении римской республики, не связывает кризис и падение римской республики с кризисом и падением античного полиса, модернизирует отдельные явления экономической и социальной жизни древнего Рима). Разрешение этих и ряда других исторических проблем было не под силу буржуазной либеральной историографии. Их полное раскрытие было возможно только на базе марксистско-ленинской методологии истории. Р. Ю. Виппер прошел долгий и трудный путь исканий, колебаний и ошибок

В. М. МИХАИЛОВ

МЕТОДИКА ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕННИ ФРАНКА

Наиболее важные моменты исторического исследования определяются теоретико-методологическими принципами учебного¹. Эта взаимная обусловленность методологии и методики исторического исследования отчетливо проявляется в трудах Тенни Франка, одного из крупнейших американских историков-античников первой половины XX в.

---

¹ Нечкина М. В. Некоторые методологические вопросы истории исторической науки. История и историки. М., 1965; Медушевская О. М. Теоретико-методологические проблемы источников и современная буржуазная историография. Московский историко-архивный институт. Труды. Том 25. Вопросы методологии исторической науки. М., 1967, с. 99—117; Садретдинов Г. К. К критике куланжистской методики историческо-

Тенни Франк пользовался обширной источниковедческой базой — он прекрасный знаток древнеримских источников. Среди них главное место занимают свидетельства древних историков. Античник обнаруживает следующие этапы развития римской историографии². Первый — период анналистов до эпохи Гракхов. Он представлен Ф. Пиктором, М. Катонем и другими, преимущественно административными лицами, которые писали для магистратов, сенаторов, юристов и небольшого круга лиц, близких к правящему классу. Они понимали значение официального слова, опирались на документальные и архивные материалы и поэтому их труды, по мнению Тенни Франка, являются достоверными. Второй — характеризуется появлением историй, написанных в популярном стиле эллинистических авторов. Рост активности масс и расширение круга читателей требовали более доступного и увлекательного изложения исторических событий. Удовлетворяя запросы новых читателей, Геллий и его последователи дополнили историю Рима многочисленными легендами и мифами. Острая классовая борьба также отразилась в сочинениях историков того времени. Труды Саллюстия, Сазерны и автобиографические очерки Суллы, Мария и Катутла отличаются крайней тенденциозностью³. Третий период с более высоким образовательным и культурным уровнем требовал от авторов (Сульпиция, Цицерона, Варрона) создания не только достоверных, научно обоснованных общих историй, но и трудов по конкретным проблемам истории Рима, а также трудов справочного характера⁴. Четвертый — период Ливия и Тацита — исторический материал предпочитали преподносить в форме литературного произведения⁵. После них римская историография снова переживает упадок. Греческие историки, писавшие историю Рима, снова вернули римскую историографию к традициям эллинистических авторов⁶.

Кроме классификации свидетельств древних авторов по этапам развития римской историографии Тенни Франк дает

го исследования. В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 2. Томск, 1964, с. 174—210; Константинов А. Д. Методика научного исследования М. С. Кутаги. В кн.: Вопросы всеобщей истории. Вып. 2. Чебоксары, 1974, с. 48—66.

² Frank T. The Roman World. Ch. V. Historiography. In «Encyclopaedia of the Social Sciences», vol. I. 1930, p. 51; Roman Historiography before Caesar. In «American Historical Review», vol. XXXII, 1927, p. 232—240.

³ Frank T. Historiography before Caesar, p. 233; Roman World, p. 51.

⁴ Frank T. Historiography before Caesar, p. 235; Roman World, p. 52.

⁵ Тенни Франк указывает на компилятивный характер трудов Тита Ливия, но видит их ценность в том, что автор «воспользовался лучшими из сохранившихся исторических работ» (Roman World.) p. 52.

⁶ Frank T. A History of Rome. New York, 1923 (в дальн. HR), p. 587—590.

характеристику по степени ценности в освещении того или иного периода истории древнего Рима или отдельных сторон жизни римского общества. В этом отношении наиболее значительными Тенни Франк считает: для освещения истории раннего Рима — сведения Пиктора, периода от начала Пунической войны до конца Республики — Ливия, Плутарха, Аппиана и Цезаря, первого века империи — Тацита и Светония, со времени Нервы до 180 г. н. э. — Диона Кассия, затем до IV в. н. э. — *Scriptores Historiae Augustae*, Аммиана Марцеллина, а также христианских авторов⁷.

Основными источниками по изучению аграрных отношений во II в. до н. э. Тенни Франк справедливо считает агрономические сочинения Катона, Варрона и Колумеллы.

Американский историк представляет их поместья наиболее характерными для своего времени рабовладельческими именными, ведущими однотипное капиталистическое хозяйство. «Мы достаточно хорошо информированы, — указывает он, — о методах ведения сельского хозяйства по трактатам, написанным Катонем во II в. до н. э., появившимся век спустя несколько большим по объему трудом Варрона и, наконец, I в. н. э. представлен наиболее полным и превосходным сочинением Колумеллы»⁸.

В историографии высказываются различные мнения о характере, авторстве и датировке трактата Марка Порция Катона «*De agri cultura*», первой книги по истории агрикультуры на латинском языке⁹. Большинство историков, ссылаясь на свидетельство Плутарха¹⁰, указывают, что Катон (234—149 гг. до н. э.) составил или, вернее, опубликовал свой труд в последние годы жизни, не ранее середины II в. до н. э.¹¹. П. Тильшер полагает, что Катон трудился над составлением своего трактата в течение всей жизни¹². Тенни Франк предлагает более скользкую датировку — 175—150 гг. до н. э.¹³ (ESAR, vol. I, p. 160).

⁷ Frank T. Roman World, p. 52.

⁸ Frank T. An Economic History of Rome. Baltimore, 1927, (в дальн. EHR), p. 99—100.

⁹ Колумелла указывает, что со времени Катона агрономическая наука заговорила на латинском (I, I, 12).

¹⁰ Plut., XXV, I.

¹¹ Heitland W. E. Agricola. Cambridge, 1921, p. 164; K. D. White. Roman Farming, N. Y., 1970, p. 19.

¹² Thilscher P. Des Marcus Cato Belehrung über die Landwirtschaft, Berlin, 1963, S. 16.

¹³ Мы разделяем мнение тех историков, которые считают, что многое в книге Катона соответствует не духу середины II в. до н. э., а более раннему периоду, вернее, самому началу века. Время это было переломным для италийской экономики периодом становления развитых форм рабовладельческих отношений и поэтому в хозяйственных воззрениях Катона черты нового постоянно переплетаются с чертами старого. Мы счита-

Нет единого мнения среди историков и в отношении авторства «De agri cultura». Одни историки считают, что трактат представляет собой более позднюю обработку катонского оригинала¹⁴, первоначальный же труд утерян, а «De agri cultura» — это не что иное, как компиляция из неоднородных и часто видоизмененных фрагментов катонского сочинения¹⁵. Однако против такой трактовки говорит то, что античные авторы после Катона, хорошо знавшие и часто цитировавшие трактат Катона, не упоминают ни о каких обработках и компиляциях; тексты цитат, как правило, вполне совпадают с соответствующими местами книги. Поэтому большинство историков не только не сомневается в авторстве Катона, но и доказывает наличие определенного плана его работы¹⁶.

Противоположны точки зрения историков и в отношении того, в какой степени при составлении трактата Катон использовал собственный опыт ведения хозяйства¹⁷. Тенни Франк считает, что Катон, главным образом, опирался на собственный опыт, накопленный при ведении специализированного хозяйства¹⁸ в своем поместье. Он критикует тех, кто сомневается в авторстве Катона. «Ортодоксальная теория, что книга Катона является частью большого труда Магона, — пишет он, — представляется неправильной, ибо Африка ведет сельское хозяйство в условиях засушливого климата, а Италия нет»¹⁹.

Действительно, советы Магона по выращиванию тех или иных культур, превосходно растущих в условиях Африки, были малопригодны для их выращивания в климатических и почвенных условиях Италии²⁰. Но вряд ли можно согласиться с объяснениями Тенни Франка причины принятия сенатом

ем вполне обоснованной точку зрения В. И. Кузицина, что трактат Катона появился в конце 90-х годов II в. до н. э. (В. И. Кузицин. О датировке катонского «Земледелия». ВДИ, 1966, № 2) и отражает самый начальный процесс становления рабовладельческих поместий (В. И. Кузицин. Земледелие и землевладение во II в. до н. э. — I в. н. э. М., 1966, с. IX—X). (Докт. дис.).

¹⁴ Keil J. *Observations critical in Catonem et Varronem*. Halis, 1849. S. 65.

¹⁵ Hörle J. *Catos Hausbücher*. Paderborn, 1929; M. Ihm. «Philologische Anzeiger», XII, S. 585.

¹⁶ Brehaut E. *Cato the Censor on Farming*. N. Y., 1933, p. XV—XXIII.

¹⁷ Nitsch K. W. *Über Catos Buch von Landbau*. *Zeitschr. f. d. Altertumswissenschaft*, 1845, S. 493—511; E. Brehaut. *Cato the Censor on Farming*. New York, 1933, p. XVI—XXIII. Op. cit., p. 470.

¹⁸ Frank. *Economic Survey of Ancient Rome*. V. I. Baltimore, 1940, p. 167 (далее: ESAR).

¹⁹ Frank T. EHR, p. 99.

²⁰ Col., I, 1, 6.

решения в 141 г. до н. э. перевести сельскохозяйственную энциклопедию Магона — «отца земледельческой науки»²¹ на латинский язык. По мнению американского историка, «целью римских сенаторов было, без сомнения, получить информацию о методах выращивания сельскохозяйственных культур в условиях засушливого климата на недавно завоеванных землях Африки»²².

Однако не следует забывать, что со времени появления трактата Катона в сельском хозяйстве Италии произошли значительные изменения и советы старого цензора не всегда отвечали возросшим требованиям жизни. Катон писал свой труд в период становления классического рабства. С тех пор рабовладельческое хозяйство стало более сложным как в характере организации производства, так и его направленности. Теперь наряду с земледелием, виноградарством и животноводством землевладельцев все больше интересовали вопросы доходного птицеводства и садоводства, о которых в сочинении римского агронома мало что можно было найти. То, о чем писал Катон, оказалось недостаточным в новых условиях, а некоторые советы старого агронома, особенно по управлению рабским персоналом, вряд ли отвечали возросшим требованиям рабовладельческих хозяйств. Эти причины, видимо, и побудили римских рабовладельцев обратиться к опыту Карфагена, где гораздо раньше получила развитие система крупного земледелия, основанная на разведении интенсивных культур и массовом применении труда рабов²³. Уже сам факт, что во времена Варрона²⁴, Цицерона²⁵ и даже Колумеллы²⁶ труд Магона пользовался большой популярностью среди римских землевладельцев, свидетельствует о том, что в середине II в. до н. э. италийское сельское хозяйство вступило в новый, более высокий этап своего развития.

Из советских историков изучению произведений агрономической науки древности, в том числе и трактата Катона «*De agri cultura*», большое внимание уделяют М. Е. Сергеев и В. И. Кузнецов, которые не сомневаются в авторстве

---

²¹ Col., I, 1, 6.

²² Frank T. ESAR, vol. 1, p. 285.

²³ Машкин Н. А. Карфагенская держава до Пунических войн. ВДИ, 1948, № 4, с. 47.

²⁴ Varro, I, 18.

²⁵ «Если кому-нибудь нужно проверить состояние дел в поместье или дать какое-нибудь поручение прокуратору по поводу земледелия и приказывать вилику, то этому человеку необходимо предварительно почитать книги Магона-карфагенянина (Cic., *De orat.*, I, 58, 249).

²⁶ Col., *De r. r.*, praef.

Катона и отмечают композиционную цельность этого труда²⁷. Очень убедительно обосновывает свою точку зрения В. И. Кузищин²⁸, по мнению которого «сочинение Катона обладает высокой степенью достоверности, отражает современную ему действительность без искажений»²⁹.

В отличие от ряда историков³⁰, подчеркивающих комплиментивный характер труда Марка Терренция Варрона (116—28 гг. до н. э.) «*Reum rusticarum libri III*»³¹ и полагающих, что его трактат отражает не итальянский, а скорее греческий опыт ведения сельского хозяйства, Тенни Франк высоко оценивает произведение Варрона, указывая при этом, что оно является «основным источником, откуда мы черпаем информацию об итальянском сельском хозяйстве этого периода» (от Суллы до Августа — В. М.)³².

Мнение Тенни Франка о том, что трактат Варрона передает состояние итальянского сельского хозяйства I в. до н. э., а источником для его произведения послужил прежде всего опыт итальянских землевладельцев, представляется заслуживающим внимания. Мы, однако, не утверждаем, что Варрон не обращался к греческому опыту. В предисловии к своему труду Варрон сам указывает, что при составлении своего труда он использовал греческие источники. В частности, Варрон

---

²⁷ Сергеевко М. Е. указывает, что трактат «*De agri cultura*» содержит не только практические советы опытного земледельца, но и является ценным теоретическим обобщением опыта и наблюдений Катона в сельском хозяйстве (См: Сергеевко М. Е. Очерки по сельскому хозяйству древней Италии. М.-Л., 1958; см. также Катон. Земледелие. Пер. М. Е. Сергеевко. М.-Л., 1950). М. Е. Сергеевко сомневается в том, что основным источником для «*De agri cultura*» послужил опыт ведения Катонем собственного хозяйства. «Вряд ли стоит, — пишет она, — на основании книги Катона пытаться охарактеризовать его собственное хозяйство» (Очерки по сельскому хозяйству древней Италии, с. 3).

²⁸ Кузищин В. И. полагает, что Катон начал строить свои виллы после возвращения с ганнибаловой войны, т. е. как раз в том возрасте, о котором сообщает сам автор трактата. «И когда твой возраст дойдет до 36 лет, — советует Катон (Марку Порцию Катону 36 лет исполнилось в 198 г. до н. э.), — тогда следует строиться, если у тебя имение заложено» (Cat., 3, 1). Датировка В. И. Кузищиным сочинения Катона концом 90-х гг. II в. до н. э. хорошо согласуется с общим содержанием трактата и его назначением. «Издание своего сельскохозяйственного трактата, — подчеркивает В. И. Кузищин, — Катон удовлетворил жгучей потребности новых обогатившихся после ганнибаловой войны римских землевладельцев в квалифицированном, с учетом местного и передового сельскохозяйственного опыта ведущих рабовладельческих стран Средиземноморья, руководстве по организации рабовладельческих хозяйств, распространенных в Италии». (Кузищин В. И. Земледелие и землевладение., с. IX).

²⁹ Кузищин В. И. Земледелие и землевладение., с. IX.

³⁰ Die Römische Gutsbetrieb als wirtschaftlicher Organismus nach den Werken des Calo, Varro und Columella. Klio I, Beiheft V. Leipzig, 1906.

³¹ Труд Варрона появился на 80 году жизни автора (Varr., I, I, 1).

³² Frank T. ESAR, vol. I, p. 358.

высоко оценивает Феофраста, но подчеркивает, что его труды слишком академичны, чтобы ими можно было воспользоваться на практике³³

Не мог Варрон ограничиться и собственным опытом, ибо легко заметить, что в отличие от своих предшественников (Катона, Сазерны) он передает сельскохозяйственный опыт не одной области, а большей части страны. Поэтому Варрон совершенно не удовлетворял какой-либо один вид источника, будь то собственный опыт или тем более чужеземный. Наряду с другими источниками Варрону были необходимы сведения о многих областях Италии.

Отсутствие той категоричности в советах Варрона, которая имеет место у Катона, объясняется, по-видимому, не недостатком специальных знаний автора «*Reum rusticarum libri III*»³⁴, а главным образом тем, что его рекомендации касаются многих областей Италии. Варрон прекрасно понимал, что условия ведения сельского хозяйства в каждой области специфичны, и слепое перенесение методов земледелия из одной местности в другую ничего, кроме вреда, принести не может. То, что Варрон осознавал это, видно из следующего: «Если, однако, это (4 дня на обработку каждого югера одному работнику — В. М.) достаточно было бы в имении Сазерны в Галлии, — указывает Варрон, — то это не значит, что так будет и в горном имении в Лигурии»³⁵.

Не следует недооценивать также роль собственного опыта автора трактата. Как известно, Варрон был крупным землевладельцем, имел поместья в разных областях Италии³⁶, и хотя он не был столь тесно, как Катон, связан с практикой ведения хозяйства своих имений, но, будучи одним из образованнейших людей своего времени, глубоко изучил методы ведения почти всех отраслей сельского хозяйства. Владелец крупных стад Варрон на фоне обширных знаний дал прекрасное описание животноводства того времени. В его труде мы находим также обилие сведений по птицеводству, полеводству, многие из которых уникальны. Все это дает основание считать, что трактат Варрона, несомненно, является одним из

³³ Varr., I, 5, 1—2.

³⁴ Трудно согласиться с замечанием М. Е. Сергеевко, что «свои недостаточные сельскохозяйственные знания Варрон восполнял беседами со «сведущими людьми» (М. Е. Сергеевко. Очерки по сельскому хозяйству... с. 13). Подобные беседы Варрона некоторые исследователи объясняют стремлением дать как можно более полную и достоверную картину сельскохозяйственной жизни различных областей страны. (Ср.: L. Storr-Best. Varro. London, 1912, pp. XXVII—XXX; J. E. Skydsgaard. Varro. The Scholar. Ch. II. Copenhagen, 1968, p. 38—42.

³⁵ Varr., I, 18, 6.

³⁶ У Варрона были имения около Тускула, в Апиане, Реате, Казине (см.: Cic., Epist. ad fam., IX, 1, 2; Varro, III, 13, 1; 38).

важнейших источников по истории аграрных отношений древней Италии.

Время, когда был написан труд Варрона, оказалось периодом больших потрясений в римском обществе, которые, естественно, не могли не сказаться на аграрных отношениях Италии. Но, как верно подметил Тенни Франк, в варроневском сочинении нет ощущения тревожной обстановки 30-х годов I в. до н. э., связанной с казнями сторонников республики и грандиозными проскрипциями триумвиров. Отсюда Тенни Франк приходит к выводу, что трактат Варрона в большей степени отражает аграрную обстановку до начала гражданских войн между Цезарем и Помпеем, т. е. время 60—50 гг. I в. до н. э.³⁷. Однако это обстоятельство, на наш взгляд, все же не может служить доказательством того, что произведение Варрона относится именно к этому периоду, как считают Тенни Франк и некоторые другие историки³⁸. Однако они не учитывают того, что Варрон пишет для представителей своего класса, крупных землевладельцев, которым вряд ли было приятно вспоминать это беспокойное время³⁹. Следует также иметь в виду, что сочинение Варрона представляет собой литературное произведение, а не дневник, по которому можно было бы определить время его заполнения. Целью Варрона было не просто описать состояние сельского хозяйства своего времени, а составить трактат по ведению рационального хозяйства. Поэтому можно согласиться с той датой написания «*Regum rusticarum libri III*», которую указал сам автор трактата.

Тенни Франк обращает внимание читателя на то, что в сочинении Варрона полевому хозяйству отведено одно из главных мест, в то время как виноградарству и маслиноводству, в отличие от «*De agri cultura*» Катона, уделено гораздо меньше внимания⁴⁰. Американский античник отмечает повышенный интерес Варрона к новым сортам сельскохозяйственных культур, к применению агротехники, особое его внимание направлено на удобрение полей и процесс восстановления почвенного плодородия. Все это, по мнению Тенни Франка, дает основание предполагать, что в I в. до н. э. итальянское хлебопашество достигло значительных успехов. О до-

³⁷ Frank T. ESAR, vol. 1, p. 363.

³⁸ Так Шанц М. выдвинул предположение считать, что первая книга Варрона появилась в 67 г. до н. э., вторая—в 57 г. до н. э., третья—в 54 г. до н. э. (M. Schanz. *Geschichte der römischen Literatur in der Zeit der Republik*. Bd. I. München, 1927, S. 573).

³⁹ Сам автор трактата, как известно, серьезно пострадал за годы гражданской войны. Незадолго до написания «*Regum rusticarum libri*» он лишился своей усадьбы в Казине, которую отнял у него Антоний и превратил «из обители муз в обитель разврата». (Cic., *Phil.*, II, 103).

⁴⁰ Frank T. ESAR, vol. I, p. 365.

вольно высоком уровне полевого хозяйства этого периода, указывает он, свидетельствуют сообщения Варрона о высоком урожае сельскохозяйственных культур в Этрурии, Апулии, Кампани и других частях Италии. Изучение первой книги Варрона, заключает Тенни Франк, ясно показывает, что не может быть и речи об упадке италийского хлебопашества в I в. до н. э.⁴¹.

Тенни Франк подчеркивает особую заинтересованность Варрона в животноводстве, о чем убедительно говорит тот факт, что этой отрасли сельского хозяйства он отвел вторую книгу своего трактата. Усиление общего интереса к животноводству было, по мнению историка, связано с ростом его экономического значения, с «возрастанием потребности рынка в продуктах животноводства, о чем свидетельствует и то, что Варрон гораздо выше оценивает луговое хозяйство, чем Катон в свое время»⁴².

Тенни Франк дает высокую оценку советам Варрона по животноводству, ибо автор «*Rerum rusticarum libri*», будучи сам владельцем крупных стад, накопил немалое практическое знание и составил описание состояния животноводства в различных районах страны, а его сведения о кочевом скотоводстве — основном виде крупного италийского скотоводства — являются «уникальными для истории сельского хозяйства древней Италии»⁴³.

Выделение птицеводства, звероводства, рыболовства и пчеловодства в книге в особую отрасль науки о сельском хозяйстве, указывает Тенни Франк, также является подтверждением возросших требований, которые начал предъявлять рынок в связи с расширением гастрономических прихотей разбогатевшей части городского потребителя.

Анализ всех трех книг «*Rerum rusticarum libri*» приводит античника к выводу о более высоком уровне сельского хозяйства Италии в I в. до н. э. по сравнению с катонским временем первой половины II в. до н. э.

При рассмотрении тех или иных вопросов аграрных отношений Италии I в. н. э. Тенни Франк опирается главным образом на «Сельское хозяйство» Колумеллы, «Географию» Страбона и «Естественную историю» Плиния Старшего.

Американский историк особенно высоко оценивает труд Колумеллы и называет его, как уже было указано, «наиболее полным и превосходным сочинением». К сожалению, он не дает подробного анализа этого сочинения и ограничивается

---

⁴¹ ESAR, vol. I, p. 364. Ср.: В. И. Кузищин. Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э., М., 1966, с. 167—193.

⁴² Frank T. ESAR, vol. I, p. 367.

⁴³ Ibid., p. 367.

тем, что Колумелла в своем труде «не только критически разобрал сочинения почти всех своих предшественников, но, главное, подвел итоги своим знаниям и своему опыту»⁴⁴. Наиболее ценным в «Географии» Страбона Тенни Франк считает то, что автор наряду с описанием флоры и фауны дал довольно подробную характеристику экономики Италии, оставил ценнейшие сведения о почвах, сельскохозяйственных культурах, о предметах ввоза и вывоза продуктов сельского хозяйства⁴⁵. Необходимость использования «Естественной истории» Плиния объясняется тем, что этот труд, несмотря на несамостоятельный в целом характер и склонность автора к риторике, неплохо, по мнению Тенни Франка, дополняет сочинение Колумеллы, сообщая конкретные сведения о хозяйственной обстановке в различных районах Италии, размерах полей и особенностях агротехники в той или иной области, показывает надвигающиеся темпы упадка италийского сельского хозяйства в ближайшем будущем⁴⁶.

Очень важное место Тенни Франк отводит археологическим источникам, значение которых возрастает, по его мнению, по мере того, чем древнее эпоха и чем меньше сохранилось о ней других сведений. Археологические открытия последних десятилетий, — пишет античник, — коренным образом изменили наши суждения о том, что собой представляет Рим до законов XII таблиц⁴⁷. Однако «революцию представлений» об этом периоде Рима он сводит к тому, что археологические данные якобы опровергли мнение Теодора Моммзена о родовых началах римской общественной организации и коллективном владении землей и утвердили точку зрения о семье как основе древних обществ и неизменном существовании у римлян с незапамятных времен частной собственности на землю⁴⁸.

Не меньшее значение археологические данные имеют, по Тенни Франку, и в том случае, если есть возможность сопоставить их со сведениями письменных источников. Так, археологические раскопки в основном подтвердили достоверность сообщений Ф. Пиктора, Ливия, Дионисия, Диодора и Плутарха о раннем периоде истории римского общества⁴⁹, уточнили и дополнили сведения агрономических трактатов Като-

⁴⁴ Frank T. ESAR, vol. I, p. 138.

⁴⁵ Ibid., p. 138—139.

⁴⁶ Ibid., p. 139.

⁴⁷ Frank. T. Some Economic Aspects of Rome's Early law. Proceedings of the American Philosophical Society. LXX, 1931. p. 193.

⁴⁸ Ibid., p. 193; Roman Historiography before Caesar, p. 232—233; EHR, pp. 14—15.

⁴⁹ Frank. T. HR, p. 587—538; Roman Historiography before Caesar, p. 232.

на, Варрона о земледелии и землепользовании в древнем Риме во II—I вв. до н. э.⁵⁰

Археологические данные раскопок под Помпеями, указывает Тенни Франк, представляют «величайшую ценность для историков-экономистов»⁵¹. Тенни Франк не только понимал значимость археологических источников и использовал их в своем труде, но и сам собрал большую коллекцию⁵² каменных остатков фундамента, а также частей внутреннего и внешнего декора древнеримских зданий. На основе сравнения этих остатков древних памятников с описанием древнеримских сооружений в исторических сочинениях он написал, как было уже сказано выше, труд под названием «Римские здания эпохи Республики»⁵³.

Определенное место в его творческой работе занимают фольклорные материалы и сведения, почерпнутые из художественной литературы. Наиболее полное отражение они нашли в монографии «Жизнь и литература в Римской республике»⁵⁴. Высокую оценку Тенни Франка получила поэма «Георгики» Вергилия. Американский историк считает достоверным описание в ней картины сельского быта, жизни италийских крестьян в особенности. Изучению творческого наследия древнеримского поэта он посвятил ряд статей⁵⁵ и специальную монографию⁵⁶.

Как видим, подбор и классификация источников Тенни Франком проводится довольно искусно и оригинально. Нужно, однако, оговориться, что эти компоненты методики исторического исследования, да и сама методика в целом, не оставались неизменными на протяжении всей творческой деятельности ученого. Для первых работ античника, филолога по образованию, особенно характерно использование данных языка как весьма важного своеобразного источника при изу-

---

⁵⁰ Frank. T. EHR. p. 245, 256 — 259.

⁵¹ Recent Work on the Economic History of Ancient Rome. In „The Journal of Economic and Business History“, vol., 1928, p. 108.

⁵² Эта коллекция хранится в Школе классической древности Американской академии наук в г. Риме.

⁵³ Frank. T. Roman Buildings of the Republic. Papers and Monographs of the American Academy in Rome, vol. III, 1924.

⁵⁴ Frank. T. Life and Literature in the Roman Republic. Sather Classical Lectures, VII, Berkely, 1930. The Decline of Roman Tragedy. In „Am. Jour. of Phil.“, XL, 1919, p. 395—415; Horace „Swan“ Song, Odes, II, 20. In „Classical Phil.“, XVI, 1921, p. 386—387; In „Classical Phil.“, XXI, 1926, p. 311—316. — Two Historical Themes in Roman Literature.

⁵⁵ Frank. T. Correspondence on Vergilian Determinism. In „Classical Weekly“, XV, 1921. P. 24; Vergil's First Eclogue and the Migration to Africa. In „Classical Review“, XL, 1926, p. 15—16.

⁵⁶ Frank. T. Vergil. A Biography. New York, 1922.

чении античной истории⁵⁷. Его ранним трудам также присуще широкое привлечение надписей, которые, как и археологические данные, дают исследователю возможность «дополнять и исправлять сведения других источников»⁵⁸. Тенни Франк уже тогда был хорошо знаком с материалом надписей и посвятил несколько статей их непосредственному анализу⁵⁹. Постепенно совершенствуются его приемы и методы исторического исследования, более тщательным становится разбор источников. Уже в работах, относящихся к первому периоду деятельности историка, можно обнаружить все основные элементы критики источников⁶⁰. Но критика эта в целом носит односторонний, часто поверхностный характер. Автор, как правило, ограничивается использованием широкоизвестных литературных источников и общепринятым их толкованием⁶¹.

В работах Тенни Франка, относящихся к зрелому этапу его творчества, и особенно в «Экономическом обзоре древнего Рима», мы встречаем использование и анализ автором самых разнообразных источников: литературных, эпиграфических, археологических и т. д. Однако мало что изменилось в методике исследования американского историка. Обычно с той или иной степенью полноты представлен лишь один элемент критики источника, другие — весьма поверхностно или же полностью отсутствуют. Так, античник дает довольно подробную внешнюю критику сообщения Феста о местонахож-

---

⁵⁷ Так, обнаружив аналогию в значениях латинских слов *nummus* и *argvina* с сицилийскими словами, означающими медь (деньги) и сало Тенни Франк говорит о тесных торговых связях между Лацией и Сицилией. (Frank T. *Mercantilism and Rome's Foreign Policy*. *American Historical Review* 1913, p. 233; ЕН, p. 33; *Roman Imperialism*, p. 3). Наличие во многих этрусских именных италийских корней и этрусских суффиксов оказывается достаточным для вывода о расовом смешении предков этрусков с италийскими племенами умбров. (ЕНR, p. 16). На основе анализа римских имен II в. н. э. американский ученый делает заключение, что к этому времени население Рима состояло из 15—20% свободнорожденных и 80—85% вольноотпущенников» (T. Frank. ЕНR, p. 330).

⁵⁸ Frank T. *Notes on Latin Inscriptions*. In «*Classical Philology*», XIX, 1924, p. 77.

⁵⁹ Frank T. *The Date of Cicero*, *Ad. Att.* XV, 6. СPh., XI, 1919, p. 215—217; *Cicero*, *Ad. Att.* XV, 9, 1. *AJP*. XXVIX, 1918, p. 312—313; *Some Economic Data from CIL*, volume XV. СPh., XIII, 1918, p. 155—168; *Pomey's Compromise: Cicero*, *Ad. Fam.* VIII, 11, 3. *CR*, XXXIII, 1919, p. 68—69.

⁶⁰ Критика источника подразделяется на внешнюю и внутреннюю и на этап сравнения источников и выведения из них исторических фактов (См.: Стрельский В. И. Основные принципы научной критики источников по истории СССР. Киев, 1961, с. 50—59).

⁶¹ В «Римском империализме» при изложении многих фактов он почти целиком следует Т. Моммзену и Эд. Мейеру. Преклоняясь перед их высоким авторитетом, молодой историк восклицает: «Как лучше высказать свою полную признательность таким авторам, как Моммзен и Мейер!?» (с. IX).

лении *ager Pupiniensis*⁶². Тенни Франк считает недостоверным его указание, что местечко Пупинна находилось где-то между Тускулом и Римом. Возможность содержания ошибочных сведений в сообщении Феста он усматривает в том, что римский антиквар плохо знал географию и неоднократно допускал подобные промахи. В поисках определения местонахождения Пупинна историк обращается к сообщениям древних источников о маршруте движения Ганнибала. По свидетельству Ливия и Полибия, *ager Pupiniensis* находилась севернее Анния (Liv., XXVI, 9, 12; Polyb., IX, 41, 10), и Ганнибал по пути из Этрурии в Рим пересек Аний (Liv., XXVI, II, I; Polyb., IX, 5, 9). В дополнение к этим сведениям Тенни Франк приводит указания ряда античных авторов (Cic., Leg., Agr., II, 36; V. Var., R. R., I, 9, 5; Col., I, 4, 3) о том, что *ager Pupiniensis* представляла собой наименее плодородный район вблизи римской столицы, что подтверждается исследованиями почвы, проведенными несколько современными Рима. В результате такого анализа ученый приходит к выводу, что *ager Pupiniensis* находилась не между Тускулом и Римом, как утверждает Фест, а где-то несколько севернее римской столицы.

Крайне неравнозначно отношение Тенни Франка к задачам внутренней критики источника⁶³. Более или менее полно выполняется лишь первая задача внутренней критики — осмысление содержания источников. Так, при разборе письменного сообщения Тенни Франк обычно проводит его детальный филологический анализ, сравнивает текст, если есть такая возможность, с вариантами, приведенными в других источниках⁶⁴. Что же касается определения достоверности или ложности источника, то осуществление этой задачи часто почти целиком зависит от собственной точки зрения исследователя. Если данные источника не подходят к выдвинутому им положению, историк отбрасывает их, без всякой аргументации. В поисках «нужных» сведений он может подвергнуть источник самому тщательному анализу. И для получения данных для решения задачи, вытекающей из заранее известного тезиса, американский ученый не останавливается и перед искажением текста источника. Так, анализируя законы XII таблиц, апологет частной собственности весьма свободно толкует слова «*rescupia*» и «*familia*», заменяет их при переводе III и IV законов таблицы V одним словом «*estate*» (иму-

⁶² См.; AJPh., vol. 51, No. 201, 1930, p. 70—71.

⁶³ О задачах внутренней критики источника см: Стрельский В. И. Указ. соч.; Медушевская О. М. Вопросы теории источниковедения. В. И. 1964, № 8.

⁶⁴ Frank T. Notes on Cicero's Letters: Att. IX, 13, 4; XI, 23,3; XIII, 31, 4; Fam. IX, 15, 2. AJPh, vol. L, No. 198, 1929, pp. 181—184; Three Obscure Passages in Cicero's Letters. AJPh., vol. L, No. 199, 1929, p. 249—241.

щество). На этом «основании» он пытается утверждать, что «законы XII таблиц не указывают на различие в наследовании между движимым и недвижимым имуществом»⁶⁵ и что оба вида всегда представляли частную собственность⁶⁶. Тенни Франк указывает, что законы XII таблицы якобы не содержат следов пережитков семейной или коллективной собственности (по Тенни Франку: family and clan ownership — семейная и клановая собственность), совершенно «не замечая» при этом положений, свидетельствующих об обратном⁶⁷.

Не менее тенденциозным является подход американского историка к решению и третьей задачи критики источника — оценки его классовой направленности. Так, склонный обычно относиться с некоторым недоверием к сведениям Тита Ливия, он, однако, целиком согласен с сообщениями античного автора, когда речь идет о мирном, бескровном характере борьбы плебеев с патрициями. Совершенно исключается вероятность того, что историки эпохи обострения социальных противоречий в конце Республики в поучение современникам сознательно искажали классовую борьбу прошлого, всемерно подчеркивая «мирный и разумный» характер социальных столкновений. Тенни Франк даже «подправляет» Тита Ливия и из без того немногочисленных его свидетельств о применении насилия в ходе более чем двухвекового противоборства достоверным считает лишь одно — о применении плебеями оружия в борьбе с децемвирами⁶⁸.

Аналогично Тенни Франк поступает и на последнем этапе работы над источником. Сравнение исторических источников и выявление в них исторических фактов ученый осуществляет при помощи горизонтального⁶⁹ и вертикального методов⁷⁰. При этом в качестве достоверного выбирается лишь тот источник (или группа источников), который соответствует взглядам самого исследователя. Так, по мнению античника, археологические данные полностью опровергают теорию о родовых началах римской общественной организации и поэто-

---

⁶⁵ Frank T. Some Economic Aspects of Rome's Early Law. In «The Proceedings of the American Philosophical Society», vol. LXX, No. 2, 1931, p. 198.

⁶⁶ Frank T. Some Econ. Aspects... p. 199—200

⁶⁷ См.: XII Tab., V, 5; V, 3; Ulpian Reg. II, 14.

⁶⁸ Liv., III, 494.

⁶⁹ Исследуя экономическую историю Рима I в. н. э., историк для подтверждения того или иного сведения широко применяет сопоставление источников, написанных примерно в одно время — сочинений Страбона, Колумеллы, Плиния Старшего и Марциала (Frank T. ESAR, vol. V).

⁷⁰ Археологические данные часто выступают в виде иллюстрации к свидетельству более поздних письменных источников. Проводится сравнение между сообщениями Полибия, проживавшего во II в. до н. э., и Тита Ливия, писавшего свои труды почти два века спустя после его смерти.

му он отрицает сведения всех других источников, которые противоречат данному тезису⁷¹.

Такое «вольное» обращение с источниками позволяет строить теории, которые диктуются общеметодологическими установками ученого. Методы реконструкции теорий⁷² у Тенни Франка разнообразны, но основными, которыми автор руководствуется при создании своих трудов, являются генетический и метод сравнения.

Особенно широко в трудах американского ученого применяется генетический метод, весьма «удобный» для выражения его теоретической концепции, в основе которой лежит, приписывание всего лучшего, что было в истории древнего Рима, расовому «превосходству» римского народа в качестве одного из представителей «высшей» индоевропейской расы, а всех неудач и бед римского общества — его «ориентализации» и «вырождению» в результате этого «истинных» италиков — индоевропейцев. Особенности политических учреждений, классовой борьбы, методов ведения войн и т. д. — все это, по Тенни Франку, находится в прямой зависимости от этнических качеств населения.

Вот как описывается территориальная экспансия Рима в IV в. до н. э. Пытаясь скрыть агрессивные намерения римских устремлений, автор представляет завоевание полуострова как объединение кровнородственных народов⁷³. Делается попытка доказать, что военно-земледельческие колонии служили якобы не для укрепления господства римлян над покоренным населением и форпостами для новых завоеваний, а главным образом для защиты местного населения и проживающих в колонии поселенцев от внешних врагов. По Тенни Франку выходит, что участки, занимаемые римлянами, были настолько малы, что их площадь была едва достаточна для небольших военных поселений, необходимых для защиты от внешнего нападения⁷⁴, и строились они только в местах, важных в стратегическом отношении⁷⁵. Такое «благородство» завоевателей американский античник объясняет тем, что ко времени начала широких территориальных завоеваний римляне якобы «уже выработали максимальное чувство уважения к собственности и справедливости»⁷⁶. Сообщения древних авторов о захвате Римом значительной части земель по-

---

⁷¹ Frank T. Some Economic Aspects..., p. 193—194.

⁷² О методах реконструкции теории в истории см: А. И. Уваров. Структура теории в исторической науке. — В кн.: Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск, 1966. с. 326—356.

⁷³ Frank T. HR, p. 67.

⁷⁴ Frank T. EHR, p. 64. >

⁷⁵ Ibid., p. 66.

⁷⁶ Frank T. EHR, p. 63; Roman Imperialism, ch. III, IV, p. 30—58.

коренных италиков⁷⁷ при этом объявляются недостоверными лишь на том основании, что такая практика будто бы «не соответствует национальному духу римлян, представляет типично восточное явление», которое достигло Рима и получило некоторое распространение лишь с началом первой Пунической войны⁷⁸.

Заметим, однако, что столь «либеральное», по выражению Тенни Франка, отношение римлян к покоренному населению не подтверждается историческими данными. Как известно, колонии латинского права насчитывали от 2 до 5—6 тыс. человек, и каждый поселенец пользовался участком около 32 югеров⁷⁹, т. е. такая колония занимала территорию от 1600 до 40000 га, а после Пунической войны всадники стали получать гораздо больше — от 50 до 140 югеров⁸⁰. Кроме того, земля раздавалась римской аристократии, патрициям и знатым плебейам — в дар по сенатскому решению за особые заслуги перед государством⁸¹, значительная часть земли переходила в руки состоятельных граждан также путем продажи и сдачи в аренду⁸². Небольшими участками наделялась римская беднота⁸³.

Теми же принципами, что и при генетическом методе, Тенни Франк руководствуется и в применении метода сравнений. В силу порочности мировоззрения он, как и большинство буржуазных ученых, не в состоянии, а скорее всего не желает определять истинные причины исторических событий, различать главные и второстепенные признаки их сходства и отличия.

Горизонтальным сравнением античник нередко пользуется при противопоставлении Рима с Карфагеном. Различия в их политических институтах, методах ведения сельского хозяйства, торговли и войн и т. д. ученый, в соответствии со своей исторической концепцией считает последствиями проявления особенностей этнических качеств населения этих государств. Результатом неправильного применения вертикального метода сравнения, проведения антиисторической параллели лишь на основе чисто внешнего сходства является отождествление исторических явлений разных эпох и народов: римского клиента VI в. до н. э. с крестьянином английского манора, рабовладельческого хозяйства Катона с современным капиталисти-

⁷⁷ Римляне превращали в *ager publicus* одну треть, две трети захваченных земель, а иногда у народов, оказавших упорное сопротивление и проявивших особую непокорность, отбирали всю собственность (App., B. C. I, 7; Plut., Tib. Gr., 8; Liv., XXVIII, 34).

⁷⁸ Frank T. *Roman Imperialism*, p. 56.

⁷⁹ См.: Нечай Ф. М. Рим и италики. Минск, 1963, с. 62.

⁸⁰ Liv., XL, 34, 2.

⁸¹ Liv., II, 13; Dion., V, 35; V, 57.

⁸² Liv., IV., 48, 3; XXVIII, 46, 4.

⁸³ Простому плебею давать свыше 7 югеров считалось опасным (Pliny, XVIII, 4, 18).

ческим, римских политических учреждений с северо-американскими и т. д. Все это ведет к модернизации истории, а это, как известно, свидетельствует не только о неспособности буржуазного ученого понять специфические закономерности исторического развития на разных его этапах, но и стремлении использовать искаженную историческую науку для утверждения реакционных буржуазных политических идей.

Итак, в методике исторического исследования Тенни Франка в полной мере обнаруживается влияние на нее общественно-политических и историко-философских воззрений ученого. Философско-историческая концепция американского античника содержит ряд своеобразных, противоречивых, на первый взгляд, черт. Он утверждает о непознаваемости движущей силы исторического процесса, хотя таковой в представленной им концепции совершенно ясно выступает «национальный дух». В одних случаях он говорит о невозможности определить главную из комплекса причин возникновения исторического явления, между тем сам почти всегда пытается подвести читателя к мысли, что все в обществе зависит в конечном счете от расовых качеств составляющего его населения. В других случаях историк находит вполне определенные причины того или иного события.

Вот эти, именно методическими «особенностями» и объясняется выбор источников, специфика обращения с ними и общий характер историографической практики Тенни Франка. Одни источники характеризуются как отражающие не только современную действительность, но и содержащие сведения о предыдущей эпохе⁸⁴. Они подвергаются тщательному анализу, причем для получения «данных» исследователь не останавливается даже перед их фальсификацией. Другие он отбрасывает как недостоверные или просто не обращает на них внимания. В целом же для Тенни Франка характерно использование только тех источников, которые «подтверждают» его точку зрения. Отмеченные выше методологические положения открывают Тенни Франку путь для крайне субъективного и тенденциозного истолкования всей истории древнего Рима и свидетельствуют о явном стремлении американского ученого использовать историческую науку для утверждения политических принципов буржуазии и укрепления капиталистического строя.

⁸⁴ Так, законы XII таблиц, по мнению Тенни Франка, отражают религиозные отношения не только времени принятия этого документа, но и предыдущего периода, ибо религия очень консервативна. Обычай же, связанные с наследованием имущества, семейными отношениями, торговлей, весьма изменчивы и, следовательно, те законы XII таблиц, которые освещают эти стороны римского общества, передают более или менее достоверную картину действительности того времени. (*Some Economic Aspects of Rome's Early Law*, p. 194).

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ф. Каховский (Чебоксары). Формы землевладения у римлян по трактатам агрименсоров	3
И. А. Гвоздева (Москва). Типы полей у римлян по трактатам Юлия Фронтинна	11
В. В. Федотов (Москва). Организация сельской территории италийских <i>civitas</i> , по данным Велейской таблицы	25
В. Г. Гаврилов (Липецк). Рабочая сила по трактату Палладия	33
А. П. Данилова (Чебоксары). Р. Ю. Виппер о месте и значении аграрного вопроса в демократическом движении Гракхов (30—20 гг. II в. до н. э.)	38
А. П. Данилова, В. Д. Данилов (Чебоксары). Р. Ю. Виппер о характере аграрного движения в период кризиса и падения Римской республики	55
В. М. Михайлов (Чебоксары). Методика исторического исследования Тенни Франка	71

ВОПРОСЫ АГРАРНОЙ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА

Сборник статей

Тематический план 1977 г. п. 1179

Редактор Поздеева С. В.

Корректоры Евстифеева В. Н., Локтева З. И.

НТ 15092. Подписано к печати 15/XII-1977 г. Формат 60×90/16.

Бумага картографическая. Усл. л. л. 5,5. Уч.-изд. л. 5.

Заказ № 1006. Тираж 500 экз. Цена 80 коп.

Типография Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова,
г. Чебоксары, Московский проспект, 15.